

Доктор Данилов в кожно-венерологическом диспансере

Автор:

Андрей Шляхов

Доктор Данилов в кожно-венерологическом диспансере

Андрей Леонович Шляхов

Доктор Данилов Приемный покой

Кожно-венерологический диспансер – самое таинственное из всех медицинских учреждений. Здесь не задерживаются те, кто не умеет держать язык за зубами... Доктор Данилов думал, что нашел спокойную работу, но очень скоро понял, что он ошибся. Сифилис и гонорея излечимы, глупость – нет.

КВД – это место, где надо всегда быть начеку. Стоит однажды расслабиться – и ты пропал. Но самое интересное в кожно-венерологическом диспансере – это не диагнозы, а причины заболеваний. Вот тут-то и начинается самый настоящий триллер с элементами комедии.

Андрей Шляхов

Доктор Данилов в кожно-венерологическом диспансере

«Я все-таки влюблен

И в поступь медицины, и в триумфы

Ее широкой поступи – плевков

В глаза всем изумленным континентам,

В самодостаточность ее и в нагловатость,

И в хвост ее, опять же, и в...»

Венедикт Ерофеев,

«Вальпургиева ночь, или Шаги Командора»

«Сифилис... шутка, которую схватить чрезвычайно легко! Вы тут сидите и думаете, что, может быть, вы застрахованы? (Тут фельдшер зловеще засмеялся...) Хм!.. Шиш с маслом. Вот тут какая-нибудь девушка ходит в красной повязке, радуется, Восьмые, там, марты всякие и тому подобное, а потом женится, и, глядишь, станет умываться в один прекрасный день... сморкнется – и хлоп! Нос в умывальнике, а вместо носа, простите за выражение, дыра!»

Михаил Булгаков,

«Праздник с сифилисом»

«Несчастные дорого заплатили за миг наслаждения.

Тела их от головы до колен покрылись коростой, у некоторых провалились рты, другие ослепли. Последних, впрочем, можно считать счастливыми, поскольку они не могли видеть свое заживо гниющее тело».

Ги Бретон,

«Истории любви в истории Франции»

Глава первая

Клинический диспансер

– Редко так бывает, чтобы человек нравился, а его трудовая книжка – не очень. – Главный врач снова взяла в руки трудовую книжку Данилова и пролиставала ее. – Ничего порочащего, но много настораживающего.

– Наверное, я зря отнял у вас время, Марианна Филипповна.

Данилов встал, чтобы уйти, но главный врач не спешила возвращать ему документы.

– Позвольте мне самой распоряжаться своим временем, Владимир Александрович. – Ни один начальник не упустит случая дать понять, что он здесь самый главный. – Если этот стул кажется вам неудобным, можете взять другой.

– Нет, почему же. – Данилов сел. – Вполне удобный стул.

– Вы можете вкратце объяснить причину каждого своего увольнения? Буквально в двух словах.

– Могу, но не буду, – улыбнулся Данилов. – Вы же все равно мне не поверите.

– Почему? – Главный врач закрыла трудовую книжку и положила ее на стол поверх остальных даниловских документов. – Обоснуйте.

В самом начале беседы взгляд женщины был приветливым, затем стал равнодушным, а теперь она смотрела на Данилова строго, как будто знала за ним какую-то большую тайную вину.

– Если бы я и впрямь произвел хорошее впечатление, то вам были бы безразличны причины моего ухода с прежних мест работы. А поскольку впечатление оказалось так себе, как принято говорить – «на троечку», то вы все равно мне не поверите. Так какой смысл объяснять?

– Почему именно «на троечку»? Вы умеете читать чужие мысли?

– Получи я «четверку» – писал бы сейчас заявление. А в случае «двойки» – уже был бы на улице. Следовательно, я вам не понравился. Когда человек нравится,

его трудовая книжка не настораживает. Независимо от того, что в ней записано.

– Вот как... – Главный врач в задумчивости постучала пальцами правой руки по столу. Обилие колец на пальцах не очень-то соответствовало образу стильной современной женщины. – Я руководитель, а руководителям положено верить документам.

– Я еще не встречал руководителя, который не считал бы, что он умеет разбираться в людях и видит их насквозь. Своим впечатлениям мы верим больше, чем документам.

– Всегда?

– Практически всегда.

– Возможно, вы и правы. – Взгляд главного врача слегка оттаял. – А почему вы выбрали именно наш диспансер? Ведь вы, насколько я понимаю, раньше в дерматовенерологии не работали. Да и вообще физиотерапевтический опыт у вас невелик. Можно сказать – вообще никакого. Так почему же к нам, Владимир Александрович?

– Причина тут самая простая – удобно ездить. Одна пересадка, от метро недалеко. За пять минут не торопясь можно дойти.

– Только поэтому? – Главный врач не столько удивилась, сколько растерялась. Наверное, привыкла слушать песни о том, как все мечтают работать в ее восхитительном, чудесном, прекрасном кожвендиспансере. – Больше никаких причин?

– Никаких, – подтвердил Данилов.

– Странно! Владимир Александрович, но вы же, кажется, учились в Москве?

– В Москве.

– И вы не знаете, что представляет собой одиннадцатый кожвендиспансер? Клинический, между прочим, диспансер! Мы являемся базой двух кафедр! У нас

учатся не только студенты, но и врачи!

– Я имею представление о вашем диспансере, Марианна Филипповна, но вы же интересовались не моими знаниями, а моими мотивами, – напомнил Данилов. – Да, я мог бы сейчас заливаться соловьем и вдохновенно врать о том, как я счастлив от одной лишь мысли и так далее... Но мы с вами взрослые люди и можем обойтись без вешания лапши на уши друг другу?

– Ваша откровенность похвальна. – Главный врач изобразила на лице подобие улыбки. – Кажется, я понимаю, почему вы сменили столько мест. Ладно, спуститесь на второй этаж, найдите двести одиннадцатый кабинет и познакомьтесь с заведующей нашей физиотерапией Ангелиной Александровной. Если подойдете друг другу, возвращайтесь ко мне с заявлением. Идите, я ей сейчас позвоню.

Данилов встал, забрал свои документы, вдруг не придется возвращаться с заявлением, убрал их в висевшую на плече сумку и уже с порога спросил:

– Если не секрет, Марианна Филипповна, то почему же вы все-таки решили меня взять? Несмотря на богатую записями трудовую книжку и маленький физиотерапевтический стаж?

– Идеальные сотрудники существуют только в воображении руководителей, – на этот раз улыбка главного врача была искренней. – А вы, Владимир Александрович, хоть и колючий, но не скользкий. Колючесть, если говорить начистоту, напрягает не так сильно. Но вы пока еще не приняты. Последнее слово за Ангелиной Александровной, ей с вами работать.

Заведующая физиотерапией была полной противоположностью главного врача. Никакой ухоженности, никакой подтянутости, никакой косметики – рыхлая дебелая тетка неопределенного возраста. Уныние во взгляде, уныние в голосе, и даже волосы свисали как-то уныло, сосульками.

– Вы, значит, к нам, – услышал Данилов в ответ на свое «здравствуйте». – Каким ветром?

– Попутным, – пошутил Данилов и, не дожидаясь приглашения, сел на один из свободных стульев у стены.

- Попутным... - вздохнула Ангелина Александровна. - Ладно, рассказывайте.

- Что именно рассказывать? - уточнил Данилов.

- О себе рассказывайте. Где учились, где работали. Кстати, как вас зовут, доктор?

- Владимир Александрович.

- А фамилия?

- Данилов.

- Данилов. Незнакомая фамилия. Никогда о вас не слышала.

Данилов коротко рассказал о себе. Все это время Ангелина Александровна смотрела в окно. Данилов даже усомнился в том, что она его слушает. «Ну и кадр!» - с неодобрением подумал он и тут же одернул себя - не стоит выносить поспешных суждений, вдруг у женщины какое-то горе недавно случилось и потому она такая заторможенная-замороженная.

Когда Данилов закончил, Ангелина Александровна все так же продолжала молча смотреть в окно.

- Еще вопросы будут? - напомнил он о своем присутствии.

- Вы конфликтный человек? - Ангелина Александровна наконец-то соизволила посмотреть на Данилова.

- Когда как, - честно ответил Данилов. - Иногда - конфликтный, иногда - нет. Но вообще-то стараюсь сдерживаться.

- Деньги с пациентов вымогаете?

- Нет, не вымогаю. Кроме того, я не употребляю спиртного и не курю.

– Это хорошо, – одобрила заведующая. Добавила со вздохом: – Когда люди приходят устраиваться на работу, все такие хорошие, такие положительные, просто золото. Откуда только потом все берется? Прогуливают, вымогают, грубят... Доктор Высветцев – тот вообще что-то немыслимое устроил, а ведь когда сватался, казался просто ангелом.

– Сватался? – переспросил Данилов.

– Ну, на работу устраивался, – пояснила Ангелина Александровна. – И в специальности разбираются слабо. Я все собираюсь взять на кафедре квалификационные тесты по физиотерапии и использовать их для проверки знаний сотрудников.

– Разве наличие сертификата не свидетельствует о том, что врач успешно прошел эти тесты?

– Сертификат, – скривилась Ангелина Александровна. – А то я не знаю, как получают эти сертификаты. Вон на нашей кафедре усовершенствования каждый последний день цикла заканчивается гулялкой. Какая тут может быть проверка знаний? Да некоторые приходят на занятия только в первый и последний день, им, видите ли, некогда. А вы говорите «сертификат»! Вот у вас есть сертификат, а сможете ли вы назвать показания и противопоказания к парафинотерапии?

– Пожалуйста, – пожал плечами Данилов. – Показания – чешуйчатый лишай, дерматозы, нейродермит, рубцовые изменения кожи. Противопоказаниями будут острые воспаления, инфекционные заболевания, выраженный атеросклероз, выраженная стенокардия, цирроз печени, хронический гломерулонефрит, киста яичников, тиреотоксикоз.

– А беременным, значит, можно?

– Только в первой половине беременности. Во второй, как и в период лактации, парафинотерапия противопоказана.

– Хотелось бы, конечно, побеседовать с вами подольше, Виктор Васильевич, но сейчас у меня мало времени. Будем считать, что вы успешно прошли собеседование. Пишите заявление. – Ангелина Александровна достала из ящика стола лист бумаги. – Ручка нужна?

– Ручка есть, – ответил Данилов, расстегивая молнию на сумке. – Только я не Виктор Васильевич, а Владимир Александрович.

– Владимир Александрович так Владимир Александрович. Пишите же, я спешу!

«Писать или ну его на фиг?» – заколебался было Данилов. Но перебрал в уме оставшиеся варианты, прикинул наскоро плюсы и минусы и решил, что все же, наверное, стоит. Во всяком случае, излишне флегматичная начальница гораздо предпочтительнее излишне бойкой, беспокойной, не дающей жизни ни себе, ни людям особы. «В конце концов, мне же на ней не жениться», – решил Данилов.

С профессиональной точки зрения работа физиотерапевтом в кожвендиспансере Данилова привлекала – широкий спектр заболеваний, много возможностей, интересно. Да и сам диспансер казался подходящим местом для работы – большой, две кафедры есть, не какая-нибудь скучная богадельня. И расположен удобно – что да, то да. Конечно, он был бы не прочь посмотреть отделение, где предстояло работать, но раз уж заведующей некогда, то ничего не поделаешь.

– Испытательный срок – три месяца, – добавила Ангелина Александровна.

– Об этом тоже писать?

– Нет, просто для сведения. Испытательный срок устанавливает администрация.

Заявление пришлось переписывать дважды. В первый раз Данилов пропустил в аббревиатуре вторую букву «К», написав КВД вместо КВКД и принизив тем самым важный клинический диспансер до обычного, не служащего базой ни для одной из кафедр. Во второй – впопыхах переврал отчество главного врача, написав «Филлиповна» вместо «Филипповна».

– Вы так мне всю бумагу изведете, – укорила Ангелина Александровна, выдавая Данилову третий лист бумаги.

«Сколько с меня за испорченные листы?» – чуть было не поинтересовался Данилов, но вовремя прикусил язык.

– Спасибо, Ангелина Александровна, вы очень добры, – покаялся он вслух.

– Моя доброта – причина моих страданий, – вздохнула Ангелина Александровна. – Надо бы перестать быть доброй, да не могу. Не получается.

Следующее знакомство оказалось приятным. Кадровик, она же, по вечной традиции поликлиник и диспансеров, секретарь главного врача Майя Борисовна, приветливая и веселая, располагала к себе, что называется, с первого взгляда.

– Я вижу, с медузой нашей вы уже познакомились, – сказала она, прочитав заявление Данилова и резолюцию «не возражаю», наложенную Ангелиной Александровной.

«И впрямь – медуза, – подумал Данилов. – Надо же, какое точное сравнение!»

– Вы с ней поосторожнее, – предупредила Майя Борисовна. – Она когда Медуза, а когда и Горгона. Главное – меньше ее беспокойте. По всем существенным вопросам обращайтесь напрямую к Ирине Ильиничне, заместителю Марианны Филипповны. А несущественные решайте сами.

– А как у вас здесь вообще? – спросил Данилов. – Люди, атмосфера?

– Люди как люди, – хмыкнула Майя Борисовна, – и атмосфера ничего, дышать можно. Я до выхода на пенсию в Восьмой туберкулезной работала, вот там была атмосфера! Грызлись все между собой без продыху, а главный врач только успевал масла в огонь подливать.

– На пенсию? – удивился вслух Данилов.

Выглядела невысокая худенькая Майя Борисовна лет на сорок-сорок пять, не больше.

– Маленькая собачка – до смерти щенков, – рассмеялась она, довольная комплиментом. – А потом – я ведь рентгенолог, так пенсия льготная, по вредности, с сорока пяти. Правда, я довольно быстро поняла, что не могу без медицины, привыкла, знаете ли, и устроилась сюда. По великому благу, должна признаться – Марианна Филипповна приходится двоюродной сестрой моему первому мужу. Так что у нас тут сплошная семейственность.

Благодаря Майе Борисовне за какие-то четверть часа Данилов немало узнал о своем новом месте работы и о будущих коллегах. Он, хотя и привык полагаться на свое собственное мнение и им же руководствоваться, но полезной информацией не пренебрегал. Тем более что, судя по всему, Майе Борисовне можно было верить – о большинстве сотрудников она отзывалась хорошо: не звучало в ее речи классически-мизантропического «все вокруг гады и сволочи, одна я белая и пушистая».

Перед тем как уйти, Данилов вспомнил о докторе, упомянутом Ангелиной Александровной, и спросил:

– Не скажете ли, Майя Борисовна, чего такого ужасного натворил доктор Высветцев? Я слышал, что он устроил нечто невообразимое?

– Ну, прям уж и невообразимое! – Майя Борисовна всплеснула руками. – Подумаешь, решил принять ванну вместе с медсестрой! Могут быть у людей сексуальные фантазии или нет? Как вы сами думаете?

– Могут.

– Вот и я о том же. Только дверь запирать надо, чтобы не шокировать заведующую подобным зрелищем. Некоторые люди не выносят, когда другим бывает хорошо, знаете ли.

Выйдя на улицу, Данилов первым делом достал мобильный и позвонил Елене.

– Я устроился в одиннадцатый КВД, – сообщил он новость. – Выхожу на работу завтра.

– Поздравляю, – ответили ему, не выказывая, впрочем, особой радости. – А где он?

– На Гиляровского.

– Подходящее место?

– Как бы сказать... – замялся Данилов. Поискал было нужные слова, да так и не нашел. – Поживем – увидим. По деньгам вроде ничего.

– По деньгам в Москве сейчас везде ничего. Ладно, вечером расскажешь, я сейчас занята.

Похоже, Елена была не в духе. Данилову хотелось надеяться, что в этом повинны рабочие проблемы, а не домашние. А если и домашние, то, во всяком случае, не его поиски работы, неожиданно растянувшиеся на два с лишним месяца.

До сих пор все как-то не складывалось. В одном месте мурыжили две недели, а потом отказали, в другом непременно был нужен специалист с категорией, в третьем Данилов и главный врач с первой же минуты знакомства почувствовали выраженную антипатию друг к другу... Короче говоря, причин было много, а итог один. К тому же, как оказалось, столичные главные врачи более охотно берут на работу иногородних, нежели москвичей. Как-то незаметно, исподволь, сформировалась вот такая традиция.

Один из главных сказал Данилову прямо, без обиняков:

– Если человек приезжает в Москву, скажем, из Пензы или Волгограда, то он безумно рад своей зарплате и думает только об одном – как бы удержаться на работе. Нюансы типа ремонта в кабинете и работы без медсестры его не напрягают, даже наоборот, потому что за работу на приеме без сестры он получает надбавку. И лишнюю субботу ему выйти не проблема, и в праздник подежурить. А москвичам все не нравится – и нагрузка, и ремонт, и администрация. Права свои, в отличие от обязанностей, знают назубок. И каждый москвич считает себя самым умным, умнее всех. В том числе – и своего начальства. Я, если вам интересно, сам москвич, но на работу предпочитаю брать приезжих. Проблем с ними меньше.

– Ну, я бы, наверное, не стал так обобщать, – осторожно заметил Данилов.

– Вот-вот! – обрадовался главный врач. – Вы подтверждаете мою правоту.

– Чем? – удивился Данилов.

- Тем, что, не устроившись еще на работу, уже начинаете меня поучать!

Данилов не без сарказма поблагодарил за откровенность и поспешил уйти.

Исходя из имеющихся перспектив, новую работу можно было, пожалуй, считать удачей. Если и не огромной, то, во всяком случае, крупной. Данилов решил, что событие стоит того, чтобы в его честь купить торт и нажарить отбивных из имевшегося в холодильнике мяса.

День выдался погожим - прохладным, но солнечным, поэтому Данилов решил пройтись пешком до «Сухаревской». В ближайшем киоске купил большой брикет пломбира и ел на ходу, несмотря на минусовую температуру. Мимо Института имени Склифосовского, своего прежнего места работы, уход откуда получился вынужденным, прошел как мимо пустого места. Ну, был в его жизни период работы в Склифе, возил он когда-то сюда больных чуть ли не в каждое дежурство на «Скорой». Дальше-то что? Нельзя всю жизнь жить воспоминаниями. С глаз, как говорится, долой, из сердца вон. Прошлого не вернуть. Если разобраться, то никакого прошлого и не существует, потому что его уже нет.

«Я понемногу становлюсь циником, - подумал Данилов. - Наверное, цинизм - это обратная сторона жизненного опыта. Какая глубокая мысль, почти готовый афоризм, надо бы записать». Записывать, конечно, не стал, поленился. Да и что толку записывать один афоризм? Вот если бы целую книгу...

Возле турникетов «красная шапочка»[1 - Красная шапочка - прозвище сотрудниц метрополитена, носящих красные головные уборы.] громко жаловалась румяному круглолицему сержанту:

- Но уважение... уважение-то должно быть? Я на многое не претендую, но когда «старой вороной» называют...

«Старой вороной» - не самый худший вариант», - хмыкнул про себя Данилов, вспомнив фельдшера Гильского со «Скорой», который именовал свою тещу как за глаза, так и в глаза только матом. Теща, не от большого ума, написала жалобу на имя заведующего подстанцией. С полным перечнем всех своих «имен», «званий» и «титолов». Тот прочел, поржал и отдал жалобу Бильскому, который тут же пустил ее по рукам. Так вот теща Гильского и шагнула из письма

в легенду. Народ потом года два то и дело вставлял к слову «тещу Гильского». «Приезжаем мы на вызов, а нам вместо «здрасьте» выдают то, что Гильский своей теще говорит». Потом Гильский уехал жить в Израиль. Тещу, как ни странно, забрал с собой. Не иначе как жена настояла.

Дома Никита воспринял новость с огромным энтузиазмом.

– Вау! Значит, теперь всякие там справки в бассейн, осмотры в КВД и все такое прочее можно будет иметь без напряжения?

– Без напряжения можно иметь только свою лень, – парировал Данилов. – Ты чего это привычку завел грязную посуду в раковине оставлять? Или я не в курсе, что мы наняли домработницу?

– Да я как раз собрался мыть, но тут позвонили, а потом...

– Ты забыл, – подсказал Данилов.

– Да. – Со страдальческой гримасой Никита надел «дежурный» кухонный фартук и подошел к раковине. – О, а ведь справками выгоды не заканчиваются! Ведь в случае чего можно будет обратиться, правда?

Метод мытья посуды у Никиты был свой, особый. Он не смачивал влажную губку моющим средством, а просто поливал им грязную посуду и потом тер ее губкой.

– Ты же знаешь, – Данилов сымитировал непонимание, – что ко мне можно обратиться с любой проблемой.

– Да я не об этом! – досадливо дернул плечом подросток. – Я имею в виду всякие последствия...

– Последствия чего? – уточнил Данилов.

– Ну, контактов сексуальных...

– Последствия сексуальных контактов иногда бывают фатальными, – назидательно сказал Данилов. – Лучше не доводить до последствий. Тебе

рассказать, почему нужно пользоваться презервативами, или ты уже в курсе?

- В курсе, - буркнул Никита. - Но если что...

- Если что - можешь на меня рассчитывать, - обнадежил Данилов. - Вне зависимости от того, где я буду работать. Чем смогу - помогу.

- Так, значит, справку в бассейн можно хоть завтра?

- Послушай, имей совесть! - возмутился Данилов. - Я сегодня устроился на работу, завтра у меня первый рабочий день! И как ты себе это представляешь? Я прихожу и ломлюсь кому-то из врачей, сидящих на приеме? «Здравствуйте, я ваш новый сотрудник, Вова Данилов, напишите моему сынишке справку в бассейн, пожалуйста». Что обо мне люди подумают? Дай освоиться, знакомство с кем-то свести. Заочная выдача медицинских справок и заключений - это, чтоб ты знал, преступление.

- Кто-то из знаменитостей сказал, что преступлением можно сделать самое невинное занятие, - огрызнулся Никита.

- Тем не менее вещи надо принимать такими, какими они являются. Это тоже сказал кто-то из знаменитостей. Так что со справкой придется подождать хотя бы до следующей недели. Или сходи получи ее обычным путем, если так торопишься.

- Обычным путем будет еще дольше, - фыркнул Никита. - За направлениями очередь отсиди, потом анализы сдай, флюорографию сделай... За неделю можно не успеть. Я лучше подожду. А нельзя целую пачку справок заготовить, только дату не проставлять?

Глава вторая

Чистые трусы - залог быстрого выздоровления

Представление Данилова на еженедельном собрании сотрудников диспансера оказалось предельно кратким.

– Первым делом хочу сообщить, что у нас появился новый физиотерапевт, доктор Данилов, – сказала главный врач. – Его график: нечетные – утро, четные – вечер.

Данилов было привстал, но Марианна Филипповна взмахом руки велела ему садиться и продолжила:

– Всегда хочется начинать собрание с хороших новостей, но сегодня, к сожалению, у меня нет ни одной хорошей новости. Не приготовили вы мне хороших новостей. Зато плохих – хоть отбавляй. Начнем с самого насущного. Анна Петровна в пятницу побывала в отделении медосмотров...

Отделения медицинских осмотров нередко располагаются в удалении от диспансеров. Принято считать, что это делается для удобства обследующихся и из санитарно-эпидемиологических соображений. На медосмотры, мол, приходят здоровые люди, лучше, если они не будут контактировать с больными. На самом же деле отделения медицинских осмотров «удаляются» для удобства сотрудников диспансера – чтобы толпы народа, ежедневно приходящие на осмотр, не мешали бы работать. Не толпились в коридоре, не слонялись по кабинетам с дурацкими вопросами: «А где?», «А что?», «Это лаборатория, да?». Лучше уж пусть ходят по филиалу.

– ...Анна Петровна, поделитесь своими впечатлениями.

В монументальной даме с резкими чертами лица, сидевшей за столом президиума слева от главного врача, Данилов безошибочно угадал главную медсестру. Угадал по характерному выражению лица, гораздо более начальственному, нежели у главного врача и его заместителей. Эту черту главных медсестер Данилов подметил давно.

– Впечатления у меня самые отвратительные! – Голос у Анны Петровны был зычным, под стать внешности. – Я уже говорила об этом Марии Сергеевне, но Марианна Филипповна решила вынести этот вопрос на конференцию...

– Сколько же можно об одном и том же? – тихо простонал женский голос за спиной у Данилова.

– Вся наша жизнь состоит из повторений, – ответил другой голос, тоже женский.

– ...если встать в коридоре нашего филиала и понаблюдать за тем, как народ заходит в кабинет врача и выходит из него, то уже через десять минут становится ясно, что никаких осмотров в кабинете не производится! Вы спросите, как можно из коридора видеть то, что происходит в кабинете? А видеть не надо, можно просто догадаться! Каждый из вошедших задерживается в кабинете не больше, чем на минуту-другую. За это время одеться-раздеться не успеешь, тем более – зимой, не то чтоб положенный осмотр произвести! А ведь надо еще и документацию заполнить!

– Простите, но я вас перебую, – вмешалась главный врач. – Документация, уважаемые доктора, самое главное в нашем с вами деле! Ее следует вести так, чтобы комар носа не мог подточить! Выдали заключение, справку – должна быть соответствующая запись в карте, в медосмотрах – в журнале. Должна быть подана статистика. Все должно соответствовать стандартам! Зарубите себе это на ваших красивых носах! Чтобы потом, через месяц или через полгода, не пришли бы дяди с удостоверениями и не взяли бы вас за... не буду уточнять, за какое место! Глазом моргнуть не успеете, как получите свои три года – и хорошо, если условно! Неужели трудно хотя бы документацию вести как надо? Я же еще и премии за это вам плачу.

По залу среди сотрудников слышались смешки.

– Да, я понимаю, что эту мою премию можно заработать за полчаса, – после небольшой паузы продолжила главный врач. – Но не забывайте о том, что вас могут взять за руку не только за документальные несоответствия, но и с личным! И не надо думать, что за руку хватают дураков, а с вами, умненькими-разумненькими, ничего не случится. Случится, еще как случится, если будете искушать судьбу! Прошу вас, Анна Петровна, продолжайте.

– Народ в коридоре щедро делится друг с дружкой сведениями, – забасила главная медсестра. – Сколько нужно дать врачу, можно ли приносить чужие книжки... Причем все это громко, в открытую, будто в магазине цены на мясо обсуждают. Приходи кому надо, слушай и заводи дело. Ну разве ж так можно? Сейчас не девяносто пятый год, когда всем было все равно, а милиция не успевала с отстрелами разбираться! Нынче другие времена. И внаглую превращать филиал государственного учреждения в магазин по продаже

заклучений вам никто не позволит!

– А зачем позволять? Главное, чтоб не мешали! – громко сказал сосед Данилова, кареглазый брюнет с курчавой шевелюрой.

– Так не бывает, чтобы не мешали, Георгий Асланович! – возразила главная медсестра. – И давайте не будем отвлекаться. Речь идет о том, что нынешнее положение дел в филиале чревато большими неприятностями. Уж слишком там все очевидно.

– А что нам скажет Мария Сергеевна? – спросила главный врач.

– Что я могу сказать? – вскочила со своего места сидевшая в первом ряду Мария Сергеевна. – Я вам с глазу на глаз уже все сказала, Марианна Филипповна, и я не понимаю, зачем надо устраивать мне такую вот публичную порку! Я же объяснила вам, в чем дело! Не понимаю, почему к нам такое предвзятое отношение? Потому что это филиал? Как будто больше придраться не к кому. Можно подумать, что у других все в шоколаде!

– Мария Сергеевна, давайте без эмоций! – одернула ее главный врач. – Говорите по существу, без шоколадов и стенаний. Никто к вам не придирается, просто я хочу на вашем примере...

– А какой тут пример, Марианна Филипповна? – перебила начальство заведующая отделением медицинских осмотров. – Я же объяснила вам ситуацию! Ладно, объясню еще раз, принародно. Дело в том, что Анна Петровна, судя по всему, попала к нам в тот момент, когда друг за другом в кабинет заходили те, кто уже прошел осмотр и сдал анализы. У них все было готово, они уже осмотрены, записаны, результаты анализов пришли. Оставалось только вписать заключение и пропечатать его. Это действительно минутное дело. Зачем сразу думать о плохом?

– А то, что болтают в очереди... – напомнила главная медсестра.

– А то, что болтают в очереди, меня не волнует! На чужой роток не накинешь платок! В очереди с таким же успехом могут болтать и о том, как, например, Анна Петровна списывает спирт и прочие медикаменты, или про то, как в лаборатории делают левые анализы! Что теперь – и этому будем верить?

- Уважаю Машу! – сказал Данилову сосед. – Умеет женщина за себя постоять! Сразу из двух стволов по Аньке выстрелила.

- Почему из двух? – спросил Данилов.

- Потому что завлабораторией – ее близкая подруга. Они вот так, – сосед потер друг о друга указательные пальцы, наглядно показывая Данилову степень близости главной медсестры и заведующей лабораторией. – На одних реактивах столько имеют, сколько нам и не снилось. Да, давайте познакомимся, меня Георгием зовут.

- Владимир, – представился Данилов, обмениваясь рукопожатием с соседом.

- Я запомнил, – улыбнулся Георгий. – Память пока еще не подводит.

- Вы себя назвали, и я должен себя назвать, – улыбнулся в ответ Данилов, – а то еще подумаете, что знакомиться не хочу.

Накал страстей на собрании тем временем возрастал. Вскочила заведующая лабораторией и поинтересовалась, почему именно ее Мария Сергеевна выбрала в качестве примера? Мария Сергеевна ответила, что ни перед кем, кроме главного врача, она отчитываться не собирается. В конце концов, главному врачу пришлось долго стучать ладонью по столу, требуя тишины в зале. Когда же, наконец, все замолчали, Марианна Филипповна перешла к следующему вопросу:

- Нагрузка у врачей, сидящих на приеме, стабильно остается высокой...

- Конечно, высокая, – прокомментировал Георгий, – сами же ее пишем. Примем один раз, расписываем на три...

- А вот лаборатория за прошлый месяц не выполнила план и осталась без премии. И не по своей вине, а по вашей, дорогие наши дерматологи и венерологи! Плохо направляете больных на анализы, забываете не только о мониторинге, но и о первичной сдаче. Это никуда не годится...

– Пусть научатся работать быстро, тогда все будет в порядке! – громко сказал Георгий. – Люди не хотят сидеть по три часа в очереди в нашу лабораторию, вот и сдают анализы в других местах!

– Вот с другими местами, наверное, надо прекращать! – нахмурилась главный врач. – Мы должны прежде всего думать о своей лаборатории, а не о чужих. Свою лабораторию мы знаем, верим ей...

– Какое там «верим»? – поморщился Георгий. – Пишут что хотят, только на бумаге половину анализов делают.

– Распространенная практика, – отозвался Данилов.

– ...а анализам со стороны мы полностью доверять не можем, – продолжало начальство – Тем более что цветные принтеры сейчас есть у каждого второго, и распечатать фальшивку не составляет никакого труда. И не надо говорить про очереди! По три часа в нашу лабораторию никто еще не сидел! Что, я не вижу, что ли, какие там очереди? Ну, минут тридцать-сорок иногда просидеть можно, да и то не так уж часто такое случается.

– Но если нам приносят анализы из других клиник, мы не можем от них отмахиваться! – сказал кто-то из сотрудников.

– Отмахиваться не надо, Евгений Викторович. Просто скажите, что доверяете нашей лаборатории и попросите пересдать анализы.

– Так половина откажется! – возразил Евгений Викторович. – Что тогда?

– Пусть половина откажется, но другая-то половина пересдаст! – ответила главный врач. – Работать с людьми надо, о коллегах думать, а не только свои талоны строчить! Когда вы активно направляете на анализы в нашу лабораторию, больные вам подчиняются! Когда вы забываете, они или не сдают анализы, или сдают их на стороне. Все зависит от вас. Я подумала и решила, что на какое-то время вопрос с направлением на анализы надо взять на особый контроль. Уж очень много денег недополучает диспансер в результате подобного попустительства.

– И направлять на анализы надо по уму! – вставила заведующая лабораторией. – Помнить про биохимию, про контроль...

– Да, совершенно верно, Людмила Николаевна. Биохимия должна быть у всех, без исключения, мы же не можем правильно лечить человека, не имея представления о том, как функционируют его печень и почки? Помните про мониторинг, своевременно назначайте контроль... В общем, так: не будет премий в лаборатории – не будет их и по всему диспансеру!

Сотрудники недовольно загудели.

– Один – за всех, все – за одного, вот наш корпоративный принцип! – повысила голос главный врач. – Мы вместе делаем одно дело. Так...

– Дела у нас, положим, разные, – сказал Георгий. – У них дела, а у нас так, делишки.

Главный врач обвела глазами сотрудников и, найдя того, кто был ей нужен, пригласила:

– Игорь Венедиктович, выходите сюда, к нам! Выходите, не стесняйтесь, ведь вы так отличились, как никто у нас еще не отличался! Родина должна знать своих героев!

Из самого заднего ряда вперед вышел невысокий широколицый толстяк.

– Кодовое имя – Колобок, – шепнул Георгий.

– Похож, – оценил Данилов.

– Хороший мужик, но косяки пороть мастер.

– Сегодня утром мне позвонила заместитель главврача сто тридцать седьмой поликлиники. – Марианна Филипповна сокрушенно покачала головой. – Вчера она имела удовольствие беседовать по телефону с нашим Игорем Венедиктовичем...

Игорь Венедиктович покраснел и опустил глаза. Совсем как ребенок, самовольно опустошивший домашний конфетный склад.

– ...разговор касался двух человек, с положительной реакцией Вассермана, которые были направлены из поликлиники к нам для обследования. Игорь Венедиктович, скажите, пожалуйста, только громко, чтобы все слышали, что вы посоветовали Любви Геннадьевне?

– Поменьше волноваться понапрасну... – не поднимая взгляда, сказал Игорь Венедиктович. – И так забот хватает.

– Это точный ответ? – прищурилась главный врач. – Или нет?

– Более-менее точный, – пожал плечами Игорь Венедиктович, – дословно я не запомнил, суета, прием.

– Как это вас память подводит, – посочувствовала главный врач. – А вот Любовь Геннадьевна хорошо запомнила ваш ответ. По ее версии вы ответили: «Надо поменьше на «эрвэ»[2 - «Эрвэ» – анализ крови на реакцию Вассермана (RW), один из основных методов диагностики сифилиса.] направлять, чтобы нам с вами меньше хлопот было». Говорили такое? Или Любовь Геннадьевна придумала?

– Ну... что-то подобное... только не в том самом смысле...

– Смысл тут как раз ясен! – повысила голос Марианна Филипповна. – Если не будем выявлять заболевших, то и заниматься ими нам не придется! Вы сами додумались до этой идеи, Игорь Венедиктович, или подсказал кто?

– Так они же, Марианна Филипповна, всем без разбору назначают «эрвэ»... Прямо поголовно назначают!

– Правильно назначают, Игорь Венедиктович. Умеют люди работать, своевременно выявляют венерические заболевания, помогают нам, а мы, вместо того чтобы сказать спасибо, даем такие вот советы! Вам-то что, а мне за ваши слова в управлении отдуваться придется перед Серафимой Леонидовной. До нее же этот анекдот стопроцентно дойдет, если еще не дошел. Ну как вам в голову

могла прийти такая мысль? Я просто шокирована, в самом деле шокирована!
Чтобы взрослый человек, врач дерматовенеролог, сотрудник нашего диспансера, ляпнул такое... Ужас!

Игорь Венедиктович громко вздохнул и развел руками.

– Садитесь! – разрешила главный врач. – И запомните, что это было последнее китайское предупреждение! Еще один прокол – и мы с вами расстанемся!

– У Колобка этих проколов сотня, если не больше, – сказал Георгий.

– Как же тогда ему удастся оставаться в диспансере? – спросил Данилов.

– У нас надо очень хорошо постараться, чтобы тебя уволили. Хозяйка любит воспитывать, увольнять не любит, – пояснил Георгий и спросил: – А вы к нам как попали?

– С улицы, по собственной инициативе.

Следующим номером программы стала проработка старейшего врача диспансера дерматолога Выгонковой, необоснованно долго державшей больного с обострением псориаза на больничном. Худая, вся какая-то сморщенная словно сухофрукт, Выгонкова бойко отбивала все нападки, мотивируя свои действия заботой о благе больного человека. Старая гвардия обычно непошибаема. Если Выгонковой не находилось оправдания, она прибегала к ultima ratio[3 - «Ultima ratio» (лат.) – «последний довод».] – цедила сквозь зубы:

– Я с пятьдесят девятого года работаю врачом и не нуждаюсь в том, чтобы меня поучали.

Данилов прикрыл глаза и подумал, что если не вникать в мелкие подробности, то вполне можно представить, что дело происходит в двести тридцать третьей поликлинике, где он не так давно работал. Все то же самое – один необоснованно продлил больничный, другой продал больничный, третий справку за деньги выдал, а четвертый нахамил пациенту. Что-то сегодня еще никого за хамство и грубость не прорабатывали. Можно добавить к названию диспансера третью букву «К». КВККД – кожно-венерологический клинический культурный

диспансер!

Насчет буквы «К» Данилов поторопился. После Выгонковой главный врач взялась за его соседа.

- На доктора Кобахидзе поступила жалоба в департамент здравоохранения, - сказала главный врач.

- Марианна Филипповна, мы эту жалобу разбирали две недели назад! - напомнил с места Георгий.

- Это новая жалоба, Георгий Асланович, мне ее только вчера вечером переслали. От гражданина Селиванова...

- Мама дорогая! - Кобахидзе в притворном ужасе схватился за голову. - Этот засранец еще жалобы на меня пишет...

- Георгий Асланович, не выражайтесь! - одернула его главный врач. - Лучше выходите сюда и объясните, почему вы разговаривали с пациентом в грубой форме и обозвали его «свиньей».

- Свиньей я его не обзывал! - Кобахидзе встал и начал пробираться к проходу, одновременно рассказывая свою версию произошедшего: - Я вообще никогда больных не обзываю! Этот... гражданин пришел на прием в трусах, которые последний раз были в стирке еще при советской власти! Противно смотреть просто было! А вроде бы культурный человек, в какой-то фирме бухгалтером работает. Я его попросил приходить ко мне на прием в чистом белье. Чистые трусы, говорю, залог быстрого выздоровления при вашем заболевании.

- Какой диагноз? - спросил кто-то из сидевших в первом ряду.

- Паховая эпидермофития. А он сказал, что нет такого закона, чтобы доктора пациентам указывали, как часто им трусы менять. Я сказал, что да, закона такого нет, но есть и кроме законов некоторые правила. Ну и добавил, что люди себя ведут по-людски, а свиньи по-свински. Больше ничего.

- Про свиней вам обязательно надо было добавлять? - уточнила главный врач.

– А почему бы и нет? – искренне удивился Кобахидзе. – Это же просто пример. Другое дело, если бы я ему сказал: «Ты – свинья, и родители твои были свиньями, и дети твои тоже свиньи». Вот это уже оскорбление. А он, кстати говоря, делал в мой адрес выпады националистического характера. Бурчал, что, мол, понаехали тут всякие и устанавливают повсюду свои порядки! Можно подумать, что привычка ходить в чистых трусах...

– Георгий Асланович, вы уже не раз убеждались, что ваша привычка к сравнениям и образным выражениям, кроме неприятностей, вам ничего не приносит. Разговор с Селивановым хоть при медсестре был?

– Да, Марианна Филипповна, при мне! – В третьем ряду встала молодая женщина в очках. – Слово в слово, как Георгий Асланович рассказывал. От себя добавлю, что не от каждого бомжа так не воняло, как от этого алкаша Селиванова. Ему бы мыться почаще, так и эпидермофитии никакой бы не было! Заплесневел от грязи натурально.

– Напишите мне оба объяснительные, – распорядилась главный врач. – Селиванова этого передайте Елизавете Константиновне, пусть она им дальше занимается. И прошу всех быть сдержаннее с пациентами. Не надо лишних слов, намеков, сравнений. Все строго по делу. Если видите, что назревает конфликт, сразу же привлекайте администрацию. Только не так, как вы любите – швырнуть человеку карту и рявкнуть: «не нравится – идите к заведующей». Надо отвести его к заведующей, объяснить ситуацию и причину конфликта, передать с рук на руки. Только так и никак иначе. Все, закончили с этим...

– С этим мы никогда не закончим, – проворчал вернувшийся на свое место Кобахидзе. – Моя бабушка, когда к врачу шла, не только во все чистое одевалась, но и укладку-маникюр-макияж делала. Тогда понимание у людей было, что доктор – тоже человек, да еще какой! А сейчас что? Ноги об меня вытирать будут, а я молчать должен? Вот вы, Владимир, согласны с тем, что пациент всегда прав?

– Не согласен, – ответил Данилов. – Пациенты иногда такие попадаются, что в окно вышвырнуть хочется.

– Приходилось? – уважительно покосился собеседник.

– Сдерживался, – вздохнул Данилов. – Проклятый гуманизм мешал, да и садиться из-за какого-то идиота не хотелось.

– Это верно. Жизнь одна, а идиотов много, – согласился Георгий. – И все такие умные стали, что просто ужас! Если жалобу не напишут, то в суд подадут. На меня два раза уже подавать хотели.

– Да ну? – не поверил Данилов.

– Что я, врать буду? Про себя хорошее врать полагается. Одну тетку от себореи лечил, у нее реакция на препарат пошла, она ходила тут, орала, какого-то юриста приводила... Пока заглохло, но не исключено, что заявление лежит в суде и ждет своей очереди. А в другой раз больной с псориазом, которому отказали в направлении на ВТЭК, тоже орал в коридоре, что это я неправильно в карту запись сделал, поэтому его обратно завернули, и что он найдет на меня управу в суде. Как будто я решаю этот вопрос! Моя воля была бы – я бы всем им инвалидность дал, на, бери, только успокойся. Эх, надо в косметологию валить, там спокойнее.

– Хорошо только там, где нас нет, – сказал Данилов. – Думаю, что и в косметологии проблем хватает.

– Там зато денег больше, – возразил Георгий. – Есть какой-то материальный резон... Если, конечно, работать в нормальной клинике, а не в каком-то шалмане, где эпиляция – самая сложная процедура.

– И не судится с косметологами только ленивый! – сказала женщина, сидящая сзади. – Вот только вчера по телевизору показывали эту... как ее... ну, ту, что у своего косметолога полтора миллиона отсудила! У вас есть свободных полтора миллиона, Георгий Аслано-вич?

– Были бы – я бы здесь не работал!

– Георгий Асланович, если вам есть, что сказать, то прошу сделать это так, чтобы было слышно всем! – Шум в задних рядах привлек внимание главного врача.

– Я уже все сказал, Марианна Филипповна, – ответил Кобахидзе и до окончания собрания просидел молча.

«Нет, все-таки на «Скорой» было меньше всего маразма», – подумал Данилов, выходя из зала.

«Поручик Голицын, а может, вернемся?»[4 - Цитата из песни Михаила Звездинского «Поручик Голицын».] – спросил внутренний голос.

«Не вернемся, – ответил Данилов. – В одну и ту же воду нельзя ступить дважды, и вообще, двигаться можно только вперед, пусть и зигзагами».

Глава третья

Обыск в кабинете

Абсолютного счастья не бывает, так же, как и абсолютного несчастья. Если главный врач из категории «не очень», а заведующая из тех, которые «ну вообще», то медсестра непременно попадется хорошая. Толковая, знающая – и непременно тактичная.

Тактичность в медсестрах ценится врачами особо. Чтобы не лезла с ненужными советами, «блистая» напоказ своим умом перед пациентами, чтобы не спорила с врачом при посторонних, чтобы с посетителями обращалась деликатно. Короче говоря, плохая медсестра – это сплошное горе и страдание, а хорошая – подарок судьбы.

Даниловская медсестра Алла Вячеславовна, строгая на вид дама (очки в тонкой оправе, складки в углах рта, седые волосы стянуты на затылке в тугий узел), работала в диспансере уже двадцать лет. Ветеран-старожил, можно сказать. Сначала сидела на приеме с дерматологом, затем работала в процедурном кабинете, а потом перешла в физиотерапию. Устала от суеты, захотелось работы поспокойнее.

Взаимопонимание с ней у Данилова наладилось сразу, с первого же дня совместной работы, несмотря на большую, почти тридцатилетнюю, разницу в возрасте. Все советы Алла Вячеславовна давала в крайне корректной форме, поучениями нового доктора не грузила и, судя по сложившемуся у Данилова впечатлению, не «стучала» обо всем, что происходит, начальству. А еще она хорошо ладила с пациентами, очень многих знала лично. В общем, можно было благодарить судьбу за такой подарок.

Был четвертый рабочий день Данилова на новом месте.

Понедельник – день тяжелый, но не в физиотерапевтическом отделении, где все идет по плану, по расписанию. Ни одну процедуру нельзя «ускорить», сколько по времени положено, столько она и должна длиться: в одну ванну двух человек одновременно не усадить и в ультрафиолетовую кабину – не впихнуть.

Только пациенты, приходящие на первичный прием по направлению других врачей, могут вносить некоторый хаос и создавать нездоровое оживление в коридоре. Но в подобных случаях на помощь врачу сразу же приходила заведующая физиотерапевтическим отделением.

– У нее же ноль семьдесят пять ставки совмещения за врача, – сказала Данилову Алла Вячеславовна. – Кто же ей даст прохлаждаться, когда в коридоре народу много? Главная очередей не любит. Очереди – причина всех жалоб.

– Так уж и всех? – усомнился Данилов.

– Да на девяносто девять процентов. Чем дольше торчишь в очереди, тем больше заводисься, да еще от других набираешься негатива. И вот уже кажется, что все не так, все раздражает. Разве не так?

– Наверное, так, – согласился Данилов. – Но и от нашего с вами поведения кое-что тоже зависит.

В девять часов, ровно через час после начала работы, дверь кабинета, в котором работал Данилов, открылась, поочередно впуслав двух начальниц, валькирий местного значения – заместителя главного врача по медицинской части Ирину Ильиничну и главную медицинскую сестру Анну Петровну. Ирина Ильинична немного уступала Анне Петровне в росте, но изрядно превосходила ее в объеме.

В кабинете сразу же стало тесно и запахло тяжелыми, пряными, «вечерними» ароматами. На духах диспансерные начальницы явно не экономили.

- Здравствуйте. - Данилов встал навстречу гостям, припоминая, как их зовут.

- Доброе утро, - ответила главная медсестра. Заместитель главного врача ограничилась кивком.

- Чем обязан?

- Проверка санэпидрежима, доктор. - Анна Петровна перевела взгляд на медсестру. - Пойдемте, Алла, пройдемся по вашим кабинетам.

Алла Вячеславовна украдкой подмигнула Данилову - не теряйтесь, мол, доктор, - и вышла из кабинета следом за главной медсестрой. Данилов остался с заместителем главного врача.

- Показывайте, - распорядилась та.

- Что именно?

- Все показывайте. Шкафы, ящики столов.

Шкафов было два - для одежды и для документации. Данилов начал с того, что для одежды. Распахнул дверцы и сделал приглашающий жест рукой - прошу, мол.

- Так...- протянула заместитель главного врача, заглядывая в шкаф. - Одежда у вас висит правильно...

Перегородка разделяла шкаф на две половины. Слева висела куртка Данилова и потертая дубленка Аллы Вячеславовны, на верхней полке лежали головные уборы, внизу стояла «уличная» обувь. Справа же висели запасные халаты.

- А колпак вам не выдали, Владимир Александрович? - спросила заместитель главного врача.

– Выдали. Две штуки. Вот.

Данилов достал из кармана висевшего в шкафу халата два чистых, ненадеванных белых колпака и показал их начальству.

– Колпаки выдаются для того, чтобы их носили, – строго заметила Ирина Ильинична.

– Да, конечно. – Данилов надел один из колпаков, а другой убрал обратно в карман халата.

Вообще-то он считал, что в физиотерапии, где не делается ни уколов, ни хирургических манипуляций, можно спокойно обойтись без колпака, но раз уж начальство требует, то почему бы не надеть?

– А что это у вас? – Ирина Ильинична указала пальцем на небольшую кожаную сумку Данилова, висевшую на той же вешалке, что и куртка.

Данилов подумал о том, что заместителю главного врача не очень-то подходит ярко-алый лак для ногтей и губная помада того же цвета. Слишком уж броско, не по-рабочему.

– Сумка, – коротко ответил он.

– Надеюсь, вы не храните в ней скоропортящуюся еду?

– Нет, не храню.

Ирина Ильинична выдержала паузу, явно ожидая, чтобы Данилов открыл сумку и продемонстрировал ей ее содержимое, но Данилов совсем не собирался этого делать. Ничего крамольного, кстати говоря, в его сумке не было – только книжка для чтения в метро и пачка бумажных носовых платков.

– С едой у нас беда! – Открыть сумку сама Ирина Ильинична не рискнула. – Сколько ни говори, все равно держат в кабинетах, забывают, все это тухнет, плесневеет... Ладно, показывайте другой шкаф.

Шкаф с полками, предназначенный для хранения документации, являлся сугубо рабочим, и потому, осматривая его, заместитель главного врача церемониться не стала. Перебрала все бумаги, просунула руку во все закоулки, удостоив своим вниманием и самую нижнюю полку, что при ее комплекции было непросто.

У Данилова сложилось впечатление, что начальство не столько интересуется соблюдением санитарно-эпидемиологического режима, сколько пытается найти нечто недозволенное, причем небольшое по размеру.

На «Скорой» администрацией подстанции изредка устраивались проверки шкафчиков сотрудников на предмет соблюдения санитарно-гигиенических норм, но там старший фельдшер просто заглядывала в шкаф и при необходимости советовала сотрудникам, делаям между собой шкаф, в нем прибраться. Выкинуть заплесневевший батон хлеба, протереть полки или еще что-то в этом роде. Шкафчики осматривались, но не обыскивались.

– Ну что ж, шкафы у вас более-менее в порядке, – констатировала заместитель главного врача, оглядывая свои пальцы. – Теперь показывайте, в каком состоянии ваши столы.

Содержимое ящиков было осмотрено заместителем главного врача быстро, но тщательно. В движениях чувствовалась сноровка бывалой шмональщицы.

– Ирина Ильинична, вы ищете что-то конкретное? – не выдержал Данилов.

– Нет, просто смотрю. А почему это вас волнует?

– Не волнует, совершенно не волнует. Просто я подумал, что если вы ищете что-то конкретное, так я могу сразу сказать, есть здесь это или нет.

– Я проверяю соблюдение санэпидрежима! – отчеканила Ирина Ильинична. – Это мое право и моя обязанность!

– Конечно, конечно, – поспешил согласиться Данилов, чувствуя, как затылок начал наливать тяжестью. – И право, и обязанность.

«Пока сидел дома – голова не болела, – усмехнулся он про себя. – Стоило выйти на работу, и вот... Или же это от ее духов? Аромат из серии «мы умрем, а запах останется». Ладно, последуем заветам Карлсона – спокойствие, только спокойствие».

Когда ящики были осмотрены, заместитель главного врача вытащила из-под стола, за которым сидел Данилов, пластиковую корзину для мусора, поставила ее на стол, взяла со стола медсестры деревянную линейку и перевернула с ее помощью скудное содержимое корзины – несколько смятых бумажек, после чего вернула корзину на место. Ту же самую процедуру она повторила с мусорной корзиной Аллы Вячеславовны, а затем заглянула в мусорное ведро, стоявшее около раковины.

«Ни хрена себе! – изумился Данилов. – В мусоре-то какого черта ковыряться? Мусор же выбрасывается из кабинетов ежедневно, если не два раза в день, а не хранится, нарушая пресловутый санэпидрежим. Нет, тут дело нечисто, что-то темнит дорогое начальство. Интересно, что же она на самом деле ищет?»

Вариантов было много.

У кого-то из сотрудников пропал кошелек с крупной суммой денег, и администрация решила своими силами найти вора? Детский сад какой-то, очевидное-невероятное.

Администрация заподозрила в новом докторе тайного наркомана или алкоголика и решила узнать, не прячет ли он в кабинете запретных жидкостей или порошков? Ну, с натяжкой, конечно, но такое допустить можно, мало ли разного идиотизма на белом свете...

Или это действительно такое вот тихое санитарно-эпидемиологическое помешательство местного значения? Развлечение для посвященных? «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать»? Тогда дело плохо. Шизанутая администрация – наихудший вариант, ибо она совершенно непредсказуема.

– Наш диспансер всегда был и остается на хорошем счету благодаря четкой работе и соблюдению всех положенных правил, – сообщила заместитель главного врача, проверяя рукой, не спрятано ли что за радиатором отопления.

Данилов посмотрел ей в глаза и подумал о том, что так его, чего доброго, попросят и карманы вывернуть – а ну как где-то крошки остались или кусок колбасы? Глаза у Ирины Ильиничны были маленькие, недружелюбные. Под глазами – мешки, красный бугристый нос весь в прожилках мельчайших кровеносных сосудов. Или нелады со здоровьем у человека, или поддает хорошенько.

Даниловскими карманами заместитель главного врача не заинтересовалась. Или постеснялась, или то, что она искала, в карманах не носят. Закончив осмотр, тщательно, дважды намылив, вымыла руки, так же тщательно вытерла их казенным вафельным полотенцем с большим черным штампом «КВД № 1» и разрешила:

– Продолжайте работать.

– Спасибо, Ирина Ильинична, – немного иронично ответил Данилов, но его ирония осталась незамеченной.

Оставшись в одиночестве, Данилов открыл окно, чтобы проветрить кабинет. Проветривал несколько минут, выстудил, но от липкого запаха так и не избавился. От свежего воздуха тяжесть в затылке исчезла, и на том спасибо.

Вернувшуюся медсестру Данилов прежде всего спросил:

– Что это было, Алла Вячеславовна?

– Проверка санэпидрежима, Владимир Александрович. Разве вам не сказали? – Лицо Аллы Вячеславовны было серьезным, но в глазах сверкали веселые искорки. – Там к нам женщина сидит от доктора Базаровой. Псориаз на ПУВА-терапию[5 - ПУВА-терапия, от англ. PUVA – Psoralen & UltraViolet – представляет собой лечебное воздействие на кожу ультрафиолетового излучения в сочетании с фотосенсибилизатором псораленом, веществом растительного происхождения, повышающим чувствительность кожи к воздействию ультрафиолетовых лучей.].

– Пусть заходит. – Данилов сел за стол и нажал кнопку на стене у стола, чтобы над дверью кабинета зажглась приглашающая надпись: «Входите».

– Можно к вам, доктор?

Большинство пациентов делится на две категории – слишком вежливые и не слишком вежливые. Слишком вежливые, даже если над дверью светится «Входите», непременно осведомятся, можно ли войти, как будто врач никого не приглашал. Не слишком вежливые прут напролом, невзирая ни на надписи, ни на то, что врач может заниматься другим человеком. В меру вежливые люди попадаются нечасто. Золотая середина – вообще редкое явление. Спасибо и на том, что хоть редко, но бывает.

– Ах, я болею псориазом миллион лет, но мне каждый раз приходится перебарывать себя, чтобы явиться в диспансер, – тараторила пациентка, пока Данилов писал. – Мне как-то не по себе, брезгливо, противно. Сразу вспоминается из Есенина: «Гармонист спиртом сифилис лечит, что в киргизских степях получил». Помните эти строки, доктор?

– Не помню, – покачал головой Данилов, не прекращая своего занятия. – Стихами особо не увлекаюсь. Но причина вашего беспокойства мне, скажу честно, непонятна.

– Да мне и самой непонятно, доктор, – закивала пациентка. – Но это подсознательное. Или бессознательное? Как правильно?

– Что правильно? – Данилов перестал писать и поднял взгляд.

– Как правильно говорить – подсознательное или бессознательное?

– Без разницы.

Данилов вернулся к писанине.

– Это слово «венерический» в названии... Оно сразу же настраивает на определенный ход мыслей, – все не унималась пациентка. – А еще сюда приходят вшивые и чесоточные, брррр. Мороз по коже! Я даже летом хожу сюда к вам только в перчатках. Пусть на меня смотрят как на идиотку, зато я ничего не подцеплю!

– Да у нас невозможно ничего «подцепить», Ирина Ивановна, – сказала Алла Вячеславовна. – Чтобы «подцепить» – это постараться надо. Вот сколько лет работаю в диспансере, а ничего не «подцепила».

– Понимаю, понимаю, – снова закивала Ирина Ивановна, – но я ничего не могу с собой сделать. А тут недавно я слышала, что в Москве целую семью прокаженных нашли...

– И не недавно, а год назад, и не в Москве, а в Подмоскovie, и не целую семью, а одну женщину.

– Не в нашем районе?

– Нет.

– Ну, слава богу, а то я уже в трамваи и автобусы садиться боялась... Надо бы еще к невропатологу сходить, пусть выпишет успокоительное. У меня во время обострений нервы совсем расшатываются...

«Лучше сразу к психиатру!» – подумал Данилов, но озвучивать свою мысль не стал, зная, что толку не будет, только скандал. Совет проконсультроваться у психиатра зачастую воспринимается нашими людьми как оскорбление. За границей, говорят, дело обстоит совсем по-другому. На то она и заграница.

Пациенты шли один за другим, время летело незаметно. Когда их поток иссяк, Алла Вячеславовна вернулась к теме утреннего обыска.

– Наше начальство очень беспокоится насчет того, что доктора могут заниматься частной практикой, – сказала она. – Поэтому и трясут регулярно все кабинеты. Ищут у докторов «свои» шприцы, катетеры, растворы для промываний, таблетки всякие. Да, таблетки тоже. У нас одно время доктор Жирмунская работала, так у той в коробках на шкафу целая аптека была. Самые что ни на есть крутые антибиотики. И существенно дешевле, чем в аптеке.

– С чего такой альтруизм? – любопытствовал Данилов.

- Никакого альтруизма, Владимир Александрович, у нее дочь на большом аптечном складе работала и заодно товар тырила. А мать здесь, в диспансере, продавала. Семейный бизнес. Потом на дочку уголовное дело завели, она насчет матери раскололась, милиция к нам приходила, Жирмунская уволилась в один день.

- Уволилась или Марианна Филипповна поспешила от нее избавиться?

- Не знаю. Ушла она, короче, такие вот дела. После ее ухода кабинеты еще усердней трясти стали. И чаще.

- А «чаще» - это как?

- Пару раз в месяц, это как пить дать! Иногда могут и пустой кабинет осмотреть. Как говорится, всегда начеку.

- И что, никто в диспансере «левых» больных не лечит? - усомнился Данилов.

- Почему не лечит? - улыбнулась медсестра. - Лечат, конечно. Но только те, кому можно, на чьи дела администрация сквозь пальцы смотрит. Есть у нас несколько таких сотрудников. Имен я называть не буду, не в моих это правилах, но такие есть. Они свое дело знают, с Марианной Филипповной делятся, не иначе, потому и работают без помех.

- Но ведь я же не венеролог и не уролог, а физиотерапевт. - Данилов дал выход удивлению. - Чего ради мой кабинет так тщательно обыскивать?

- А кто может сказать, что у вас на уме? - вопросом на вопрос ответила Алла Вячеславовна. - Может, у вас хобби такое - уретриты лечить? У нас все под подозрением. Вы думаете, что главная сестра столько времени делала? По нашим кабинетам ходила, а вдруг вы что нелегальное под ванну спрятали или в кабинку засунули?

- Никогда бы не подумал! - покачал головой Данилов.

- Жизнь любит удивлять. Я куда старше вас и то каждый день чему-нибудь да удивляюсь. Не без этого. Вы не представляете, какой шум у нас поднимается,

если в мусорке вдруг не утилизированный шприц обнаружится. «Ах, как же так! Кругом ВИЧ, а вы тут шприцы использованные разбрасываете!»

– Ну это в общем-то серьезное нарушение – шприцы где попало, – возразил Данилов, старавшийся всегда смотреть на вещи справедливо и непредвзято. – И где быть ВИЧ, а также гепатитам и сифилису, как не в КВД?

– Так-то оно так, правда ваша, – вздохнула Алла Вячеславовна. – Только вот любимчикам можно полное ведро шприцов иметь и слова им никто не скажет, а других за один-единственный распыть нороят. До полного маразма доходит. Лена Лыткарина решила штемпельную подушку «реанимировать» и, чтобы руки зря не пачкать, вытянула шприцом немного краски из пузырька и покапала на подушку. Шприц, естественно, швырнула в ведро. Не в лотке же его замачивать, он же с биоматериалом не контактировал, верно?

– Верно.

– Да и лоток пачкать краской незачем. Так за этот шприц и Лена, и доктор Тамара Наумовна, с которой Лена работает, по выговору получили, с лишением премии. Вот такие дела у нас творятся. А вы небось думали, что в приличное место попали?

– Приличные места, Алла Вячеславовна, существуют только в нашем воображении, – улыбнулся Данилов. – Поверьте бывалому человеку. В каждой палатке свои неполадки. И начальство далеко не всегда бывает вменяемым. Люди вообще далеки от совершенства. Что ж теперь, не работать нигде? Тем более что отбивать кусок хлеба у своих коллег и лечить здесь кого-то левым образом от сифилиса я не собираюсь.

– А вам этого и не надо, – рассмеялась медсестра. – Вы можете частный солярий открыть – пускать народ в ультрафиолетовую кабину позагорать за деньги.

– Что, и такое бывало?

– Здесь только мужики не рожали, Владимир Александрович, а все остальное случилось. Работал у нас доктор по фамилии Музыка, с ударением на «ы», так он завел такую моду. И медсестру подбил на соучастие, деньги они вроде как пополам делили. Только недолго музыка играла – Ангелина Александровна

быстро просекла это дело и пресекла. Уволили разом обоих – и врача, и сестру. Ангелина Александровна – она такая. Из кабинета не вылезает, но все про всех знает.

– Как Ниро Вульф, – пошутил Данилов.

– Не знаю такого. Артист, наверное?

– Нет, герой детективов, который раскрывал преступления, не выходя из дома. Помощник собирал ему сведения.

– Вот, это как раз наш случай, – кивнула Алла Вячеславовна, – только у нас за помощника Лидия Михайловна.

Лидия Михайловна, суетливая дамочка бальзаковского возраста, лицом смахивающая на барсука, была старшей медсестрой физиотерапевтического отделения. Ампула начальственной наушницы и наперсницы было прописано на ее лбу огромными буквами.

– Вы с ней поаккуратнее, она очень злопамятная и приметливая.

– Я сам злопамятный, дальше некуда, – отшутился Данилов. – И приметливый до невозможности. Только не всегда люблю говорить о том, что примечаю.

– Это правильно, – одобрила Алла Вячеславовна. – У нас любители языком почем зря трепать надолго не задерживаются.

– А еще кто у нас не задерживается?

– Те, кто любят права качать. Ох как наша администрация этого не любит.

«Влип ты, Вольдемар, поздравляю, – мысленно сказал себе Данилов. – Это ж какое счастье надо иметь, чтобы искать столько времени и найти в итоге такое чудное место?»

Со счастьем у Данилова всегда было как-то не очень. Не без того, конечно, но и особо хвастаться нечем.

Глава четвертая

Сорок четыре креста

«Четыре креста, четыре креста, без вас моя жизнь легка и проста», – пелось в одной старой песне.

Что такое «четыре креста» – известно всем. Анализ крови на реакцию Вассермана выявляет наличие сифилиса. «Крестов» в этом анализе может быть от одного до четырех. Один крест – реакция сомнительная. Два – слабая положительная реакция, означающая наличие сифилиса. Три – уверенная реакция, а уж все четыре – это свидетельство того, что возбудитель сифилиса присутствует в организме длительное время. Как раз такой сифилис принято называть вторичным.

Если во многих анализах, взятых у разных людей, вдруг «вылезают» «четыре креста», то врачам-венерологам впору хвататься за голову. Это означает, что в районе обслуживания произошел резкий скачок заболеваемости сифилисом, и хлопот будет полный рот и даже сверх того. Да и за плохую профилактическую работу влетит.

Причиной «эпидемии сифилиса» стал профессор Рубанько, заведующий кафедрой кожных и венерических болезней, частично базирующейся в одиннадцатом диспансере. Не той кафедры, на которой производится усовершенствование и переобучение врачей, а университетской, занимающейся обучением студентов.

Профессор Рубанько написал очередную монографию... Нет, точнее сказать – аспиранты профессора написали своему шефу очередную монографию, умную научную книгу. Все, кто в теме, прекрасно знают, что умные научные книги чаще всего пишутся не теми, чье имя первым красуется на обложке, а теми, чьи фамилии там вообще не красуются или указаны в самом конце длинного списка соавторов. Короче говоря, пишутся эти книги ассистентами и аспирантами, иногда даже – талантливыми клиническими ординаторами. Профессорам книги писать некогда – у них других дел «по гланды», как говорил небезызвестный

подполковник милиции Давид Гоцман. Лекции, конференции, симпозиумы, семинары, ученые советы, руководство аспирантами, кафедральная текучка... Всего так сразу и не перечислить. Занятый, занятый народ профессора, особенно если они еще и кафедрами заведуют.

Итак, два умных-разумных аспиранта третьего года, без пяти минут кандидаты медицинских наук, написали своему дорогому и любимому научному руководителю книгу «Особенности терапии генитального герпеса в условиях полярного климата». Остались сущие пустяки – внимательно вычитать работу и исправить возможные ошибки. Аспиранты – не профессора, им пока еще свойственно ошибаться.

Времени на исправление ошибок у профессора Рубанько не было – его ждал очередной высоконаучный симпозиум в Милане. «Сырую» монографию заведующий кафедрой передал для вычитки и правки доценту Левинской, добавив при этом:

– Поторопитесь по возможности, Анжелика Вадимовна!

«Поторопитесь по возможности» на языке заведующего кафедрой означало: «Это надо было сделать еще позавчера». Вычитка научной работы – дело серьезное и ответственное. Если пропустишь ошибку или какой-нибудь ляп, шеф этого не простит. Зачморит, загнобит, заклюет, загрызет... Замучает, короче говоря.

Вернувшись из сто четырнадцатой больницы, в которой базировалась основная часть кафедры, к себе в одиннадцатый кожвендиспансер, Левинская первым делом разыскала ассистента Фомичевскую.

– Светлана Александровна, я дня три буду очень занята, срочное поручение от шефа, так что прошу вас заняться моими гавриками.

– Побойтесь бога, Анжелика Вадимовна! – возмутилась Фомичевская. – У меня своих групп до... хватает, да еще три Регининых! Куда мне еще ваших гавриков деть?

– Светлана Александровна, я же сказала – у меня срочное дело!

– У вас срочное дело, у Регины младшая сестра замуж выходит, а я должна за всех отдуваться?!

– Светлана Александровна, я не интересуюсь вашим мнением! – Левинская набычилась и грозно сверкнула глазами. – Я даю распоряжение.

– Лучше дайте мне яду! Чтобы я умерла и больше не мучилась!

В споре между вышестоящими и нижестоящими почти всегда побеждают те, кто выше. Диалектика. Через несколько минут Фомичевская стояла в коридоре и прикидывала, как бы ей половчее совместить несовместимое – и всех «подкидышей» охватить и от перегрузок не умереть. «Ничего, это всего несколько дней», – подумала она, следуя мудрому принципу «если насилие неизбежно, то надо расслабиться и постараться получить удовольствие».

Какая, по большому счету, разница – с одной группой вести занятие или с двумя? Разницы никакой, но вот с тремя группами одновременно занятие не провести. И в кабинет столько студентов элементарно не поместится, разве что стоя, и о дисциплине можно сразу позабыть. Отпустить одну из групп на все четыре стороны нельзя, а вдруг проверка из деканата нагрянет?

После недолгих размышлений Фомичевская направилась в лабораторию, к заведующей.

– Людмила Николаевна, выручайте, – взмолилась она. – Всего на три дня! Только три дня! Умоляю! Безвыходная ситуация!

Поняв, что речь идет не об одалживании денег, Людмила Николаевна пошла навстречу:

– Конечно, присылайте своих студентов, Светлана Александровна. Я проведу их по лаборатории, а потом займу делом. Пусть помогут девочкам заполнять бланки.

– Каждый день будет новая группа.

– Тем лучше – не успеет надоесть наша рутина. Не беспокойтесь, все будет в порядке.

– Ах, Людмила Николаевна, я у вас в долгу! В неоплатном.

– Не переживайте, Светлана Александровна. Как говорится, «свои люди – сочтемся».

Дочь Людмилы Николаевны училась на третьем курсе лечебного факультета и планировала пойти в клиническую ординатуру по дерматовенерологии. Клиническая ординатура по дерматовенерологии ценна тем, что через нее пролегает усыпанный золотом и бриллиантами путь в косметологи. Ах, косметология... Что такое молочные реки и кисельные берега в сравнении с этой чудесной специальностью! Красота вечна, красота преходяща, красота – великая сила. Красота требует жертв, красота их получает! Попутно получают свое косметологи, и получают, надо сказать, неплохо.

Назавтра Людмила Николаевна получила первую группу, состоявшую из четырех юношей и пяти девушек. Это была самая веселая группа потока, состоявшая из отборных весельчаков, креативных и беззаботных.

Во время получасовой экскурсии по лаборатории студенты вели себя нормально. В юных сердцах студентов теплилась надежда на то, что, закончив свой рассказ, заведующая лабораторией их отпустит.

Надежды не оправдались – Людмила Николаевна обещала Фомичевской продержат группу в лаборатории все положенное время и от обещания своего отступить не собиралась. Надежды молодости не сбылись – после знакомства с лабораторией студентов усадили за нудную рутинную писанину.

– Каждое дело нужно прочувствовать изнутри! – сказала им заведующая лабораторией. – Увидеть его изнанку, понять...

– Понюхать и облизать! – подсказал один из студентов.

– Делу время – потехе час! – насупилась Людмила Николаевна. – До двенадцати часов у вас время дел! Потеха будет потом.

Последняя фраза оказалась пророческой, только Людмила Николаевна об этом еще не знала. И даже не догадывалась.

Сидеть и заполнять бланки анализов скучно, особенно если этим бланкам, то есть этим анализам, конца-края не видать. Так и подмывает внести в это унылое занятие какое-нибудь разнообразие. Студенты и добавили, проставив во всех, без исключения, бланках анализов на реакцию Вассермана положительный, «четырёхкрестовый» результат. Гулять так гулять, шутить так шутить! И сами же, доводя шутку до логического конца, разложили готовые бланки по врачебным ячейкам.

Почтальонов, разносящих результаты анализов, в медицинских учреждениях нет. При лабораториях имеются стеллажи с подписанными ячейками – секциями, своего рода «почтовыми ящиками». У каждого врача в амбулаторных учреждениях и у каждого отделения в стационарных есть своя ячейка, куда ежедневно выкладываются «свежие» результаты анализов.

Предусмотрительность была совершенно не лишней. Если бы раскладкой результатов по ячейкам занялся бы кто-то из лаборанток, то они бы случайно могли обратить внимание на нехарактерное обилие «положительного Вассермана» и испортить своей бдительностью всю шутку.

Шутка удалась – анализы беспрепятственно ушли по назначению, к врачам. Врачи конечно же слегка удивились тому, что сегодня, как гром среди ясного неба, выявилось аж два десятка больных сифилисом, но чего только не бывает в жизни. «У меня – обвал, зато у других, наверное, ни одного», – подумал каждый врач и продолжил работать.

Положительная реакция Вассермана – еще не повод для выставления диагноза «сифилис». Требуется уточнение при помощи других, более специфичных и более достоверных реакций с труднопроизносимыми названиями – реакции иммунофлюоресценции, реакции иммобилизации бледных трепонем, реакции пассивной гемагглютинации, иммуноферментного анализа...

– Что-то много сегодня сифилиса! – сказал в курилке венеролог Рогожкин.

– И не говори, – согласилась дерматолог Бычкова, – у меня все сегодняшние анализы пришли положительные.

Диспансерная курилка представляла собой подвальный тупик, в котором стояли две списанные медицинские банкетки, урна для окурков и, как дань противопожарной безопасности, ведро с песком. То, что говорилось в курилке, было слышно во всем подвале.

– Что за день такой? – удивилась старшая сестра венерологического отделения Лариса Владимировна, вышедшая из стерилизационной, тоже находившейся в подвале. – Все сестры то и дело прибегают звонить по городскому – на пересдачу приглашать.

– По поводу сифилиса? – спросил Рогожкин.

– Нет, Евгений Викторович, по поводу расходящегося косоглазия! – съязвила Лариса Владимировна и ушла, стараясь как можно соблазнительнее покачивать бедрами.

Лариса Владимировна уже второй год пыталась обаять холостого, симпатичного (ну вылитый Николас Кейдж!) и довольно обеспеченного (а разве существуют бедные венерологи?) доктора Рогожкина. Перешла на дорогую косметику, сменила парикмахера, начала регулярно ходить в фитнес-клуб и даже купила восхитительный шелковый комплект постельного белья, стоивший совершенно умопомрачительных денег – в расчете на дальнюю перспективу. Увы, Лариса Владимировна и ближней перспективы не увидела. Рогожкин мог пофлиртовать, мог рассказать анекдот, мог подбросить после работы до дома (все равно по пути, садитесь, Лариса Владимировна), но ни при каких обстоятельствах не переходил грани, знаменующей начало отношений. Лариса Владимировна проштудировала кучу пособий и руководств, посвященных животрепещущему вопросу, и все они советовали чередовать активные атаки (по существу – домогательства) с периодами показной холодности. Утверждалось, что такая практика непременно разожжет ответную страсть в мужской душе. Когда именно это случится, авторы умных книг предусмотрительно не сообщали.

Сейчас как раз был период «показной холодности», правда, Рогожкин об этом не знал. Так же, как и не знал о коварнейшем плане, в результате которого он имел шанс проснуться после грядущей новогодней вечеринки в квартире Ларисы Владимировны, на том самом шелковом, дождавшемся своего часа белье. План был продуман, просчитан, многократно прокручен в уме и сулил коварной соблазнительнице неременный успех. Она продумала все-все-все, ведь в таких

делах мелочей не бывает. И даже заготовила первую фразу, которую Рогожкину предстояло услышать после пробуждения. От этой фразы Лариса Владимировна просто млела. «Милый, я готова на все, что ты захочешь...» Ну разве какой-нибудь мужчина сможет устоять перед соблазном сразу же озвучить свои желания и немедленно их осуществить? А дальше все пойдет как по маслу: в спальне – трельяж, в вазе – грильяж, а у нас – марьяж.

– Хрень какая-то, – Рогожкин погасил наполовину выкуренный «Парламент-лайт» и поднялся в лабораторию, разбираться.

Людмила Николаевна терпеть не могла, когда кто-то из других сотрудников (разумеется, кроме главного врача и его заместителей) вмешивался в лабораторные дела. К тому же после четвертой за сегодня чашки крепкого кофе у нее разболелась голова. Сама виновата – надо было в кофе коньячку капнуть или рижского бальзама.

Рогожкину даже не дали толком озвучить свои претензии.

– Людмила Николаевна, что-то подозрительно много «RW-положительных» сегодня. У вас все в порядке? – только и успел сказать он.

Заведующая лабораторией славилась на весь диспансер своим умением заводиться с пол-оборота. Хорошее качество для автомобилей, мотоциклов и танков, но не очень хорошее для руководителей. Иногда лучше выслушать претензии самой, как говорится – из первоисточника, чем чуть позже выслушивать их в пересказе главного врача. С соответствующими выводами и последствиями.

– У меня всегда все в порядке, Евгений Викторович! – рявкнула Людмила Николаевна. – Потому что я ра-бо-та-ю! А не груши околачиваю, как некоторые! Сифилиса много, потому что вы совершенно не занимаетесь профилактикой! Вам же выгодно, чтобы заболеваемость была высокой, вы же зарабатываете на больных!

– Но...

– Идите и не мешайте мне работать, Евгений Викторович!

Рогожкин выматерился про себя и отправился со второго этажа на четвертый – к заместителю главного врача по медицинской части, надеясь хотя бы там найти понимание. И нашел, да еще так удачно – в самом начале разговора в кабинет Ирины Ильиничны вошла главный врач, только что приехавшая из окружного управления здравоохранения. Заинтересовалась, попросила начать сначала и так прониклась, что скинула свою норковую шубу прямо в кабинете заместителя и, не надевая халата, спустилась в лабораторию. Рогожкина поблагодарила за «бдительность» и велела возвращаться на прием, но тот, сделав вид, что послушался, пропустил начальство на пролет вперед и тихо пошел следом, чтобы послушать у дверей лаборатории, как главный врач станет лечить Людмилу Николаевну от излишнего самомнения. Душевные раны, нанесенные грубиянкой-заведующей, нуждались в окроплении целебным бальзамом.

Подслушивать у дверей не было никакой надобности – разъяренная Марианна Филипповна вопила так, что слышно было не только на втором этаже, но и на первом, и на третьем.

Данилов в это время возвращался к себе с первого этажа, из стола больничных листов, куда ходил ставить печати на справку в бассейн для Никиты. Справку выдала добрая доктор Зарусова из детского отделения. Сделала все как полагается – попросила номер Никитино полиса, завела на него карту, сделала запись, сказала, что потом вклеит «липовые» анализы.

– У нас проверка идет за проверкой, – пожаловалась она. – Нас трясут, конечно, поменьше, чем детские отделения, но тоже никакой жизни нету. Уже и не знаю, к чему еще могут прицепиться, поэтому все стараюсь делать как положено.

– Ну, если это так трудно, то, может, и не надо... – смутился Данилов.

– Если мы друг другу помогать не будем, то как тогда жить? – ответила Зарусова, подписывая заполненный медсестрой бланк. – Поставьте печати и счастливо плавать вашему мальчику.

Услышав вопли, доносившиеся из лаборатории, Данилов в первый момент подумал, что там что-то случилось и нужна помощь. Однако, вслушавшись, понял, что это всего лишь начальственный разнос, правда, очень громкий.

– Студенты! Да что мне эти студенты, провались они вместе со своей кафедрой! – орала Марианна Филипповна. – Вы отвечаете за лабораторию, Людмила Николаевна, и я спрашиваю вас, а не каких-то там студентов, – что творится в лаборатории?! Как могло такое случиться?! А если бы никто вовремя не спохватился, тогда что?!

– Учит уму-разуму! – прокомментировал стоящий под дверью Рогожкин.

– За что? – спросил Данилов.

– За дело!

– Можно было бы и не так громко, – заметил Данилов.

Подробности у скрытного Рогожкина он выпрашивать не стал. Неинтересно, да и все равно на ближайшем собрании, то есть завтра, все станет известно в мельчайших подробностях. Все узнают, что и как накосячила с анализами лаборатория и каким образом к этому делу оказались причастными студенты.

Отведя душу в лаборатории, Марианна Филипповна поднялась к себе в кабинет, надела халат, удовлетворенно хмыкнула, увидев, что ее шуба висит в шкафу на своем «законном» месте, и попросила Майю Борисовну разыскать доцента Левинскую, или если та уже ушла, то пригласить ассистента Фомичевскую.

Фомичевской пришлось выслушать гневную речь главного врача, содержащую угрозы вроде: «если вы будете трепать мне нервы, то не ждите спокойной жизни» или «еще один подобный случай, и я подниму такой шум на всех уровнях, что мало не покажется». В общем – стандартный набор угроз, сделанных от бессилия.

Кафедры главному врачу не подчиняются, выжить их по своему почину из диспансера, отобрав занимаемые помещения, невозможно. Да, конечно, можно попытаться своей немалой властью создать сотрудникам кафедры «невыносимые жизненные условия», но не надо забывать о том, что любая палка имеет два конца. Если «прессуешь» кафедру, то не жди от нее поддержки в сложных, а также в кляузных случаях. Сотрудники кафедры могут поддержать, дав положительную оценку качеству диагностики и лечения, проведенных в диспансере, а могут и, образно говоря, «смешать с грязью», раскритиковав все в

пух и прах. Никогда не стоит портить отношения с людьми, которые по долгу службы могут заниматься оценкой твоей деятельности. И вообще, лучше жить мирно и дружно, выполняя заветы кота Леопольда.

На еженедельном собрании главврач ограничилась напоминанием:

– Уважаемые заведующие! Помните, что за поступки студентов, находящихся в вашем отделении, вы несете ответственность вместе с сотрудниками кафедры. Даже больше – потому что вы отвечаете за все, что в ваших отделениях происходит! Поэтому будьте любезны обращать внимание на то, что делают студенты. Да и на тех докторов, которые квалификацию повышают, тоже стоит обращать внимание, там ведь иногда такие кадры попадают, как доктор Поздецкий из Петрозаводска.

Сотрудники оживились, большинство заулыбалось, слышались смешки.

– Что за доктор такой? – спросил Данилов у сидящей рядом с ним врача ультразвуковой диагностики Мамаевой.

– О! – Мамаева закатила глаза и покачала головой. – Это был такой перец, такой аферист! Приехал на курсы и с ходу наладил у нас подпольную продажу всякой лабуды – бобровой струи, медвежьей желчи, барсучьего жира. Перезнакомился с больными, у него хорошо получалось сходиться с людьми, разрекламировал свой товар и так развернулся... Сумками таскал каждый день. Вот такими!

Мамаева показала руками размер сумок.

– И прямо так ходил по диспансеру?

– Нет, в открытую не торговал. Торговлю он вел в мужском туалете на втором этаже. Не знаю только, когда – во время перерывов или уже после занятий. А перед отъездом буквально замучил нас всех, предлагая сделать выгодный заказ по схеме: «вы мне сейчас деньги, а я вам потом, как вернусь домой, снадобий своих вышлю». Ко всем, кроме верховной администрации, заходил, и к заведующим отделениями в том числе.

– Нашлись желающие? – Данилов допускал, что таковые вполне могли найтись – легковерных людей хватает.

– Насколько мне известно, нет, – покачала головой Мамаева. – У нас народ на другом деньги делать привык, да и сразу видно было, по физиономии Поздецкого, что никому он ничего высылать не собирается, просто облапошить пытается напоследок. На память, так сказать. Уникум, человек штучной выделки. У него еще и имя было очень редкое – Герберт. Сам он рассказывал, что отец его очень любил фантастику, вот и назвал сына в честь писателя Герберта Уэллса.

Глава пятая

Каким местом грешим – тем и расплачиваемся

«Каким местом грешим – тем и расплачиваемся» – любимая поговорка венерологов. Пояснения здесь излишни, и так все ясно. Рано или поздно в местах контакта появляются признаки заболевания – язвочка, гной, жжение... Впрочем, при ВИЧ-инфекции в самом «согрешившем» месте никаких проявлений может не быть, но свою любимую поговорку венерологи и придумали задолго до появления СПИДа.

При сифилисе от «греха» до «расплаты» проходит довольно значительное время, а некоторые инфекционные заболевания, передаваемые половым путем, могут протекать бессимптомно. Можно быть больным и не знать об этом. А можно быть здоровым и думать, что ты болен. Если такая мысль приходит к человеку «изнутри», то стоит обратиться к психиатру, если же ее внушает врач, корысти ради делая из здорового человека больного, то психиатрия здесь бессильна.

Врач отделения медицинских осмотров Сорочинец любил деньги и умел их зарабатывать. Когда-то для пристойной жизни, включающей в себя как достаток в доме, так и доступность всяческих развлечений, столь приятно разнообразящих жизнь, Сорочинцу было достаточно доходов от оформления медицинских книжек без прохождения осмотра и частной практики. Как известно, «достаточно» – понятие относительное, и денег никогда не бывает

много. Но в целом Сорочинец был доволен.

Со временем частная практика оскудела – расплодившиеся, словно грибы после дождя, частные клиники оттягивали на себя все больше и больше клиентов. И закономерно, если вдуматься, – по деньгам практически то же самое, а уровень сервиса значительно лучше. К Сорочинцу можно было явиться лишь в определенное время (обычно – в паузе между утренней и вечерней сменами), для сдачи анализов надо было идти из филиала в диспансер (хоть и полтора километра всего, а неудобство). К тому же доктор периодически был недоступен – болел или уезжал в отпуск: два раза в году погреться под египетским солнышком – это святое! Медицинские центры работают с утра и до позднего вечера, если не круглосуточно; все обследования, как правило, делаются на месте, а заболевшего или отдыхающего врача всегда есть кому заменить.

Доходы снизились, а расходы возросли. Выросли дочери; собственные привычки, с которыми расстаться невозможно, год от года становились все более дорогостоящими, а любовницы – все более алчными... Ну, и так далее.

Если в одном месте убыло, а в другом не прибавляется, то надо проявить инициативу. Не видя других способов выхода из личного финансового кризиса, доктор Сорочинец решил увеличить «левый» доход от оформления медицинских книжек.

Решить легко, а как сделать? Рекламные возможности в столь деликатной сфере весьма ограничены, реально можно рассчитывать только на так называемое «сарафанное» радио, да и то с оглядкой. Каждому пришедшему с медкнижкой или медкнижками (оптовая скидка – десять процентов) в душу не заглянешь. Правда, если клиент почему-то не нравился, Сорочинец, безгранично доверявший своей интуиции и очень ею гордившийся, тут же давал ему от ворот поворот. По настроению мог и наорать, чтобы в коридоре слышали:

– Что вы себе позволяете? Что значит – «можно договориться»? Порядок одинаков для всех, и исключений я ни для кого не делаю! Что значит «добавлю»? Я сейчас милицию вызову!

Если лишаешь себя денег, то хотя бы не лишай развлечения.

Гениальное решение пришло к доктору Сорочинцу в ванной, ну совсем как к древнегреческому ученому Архимеду. Отмокая после утомительного рабочего дня, умный доктор придумал, как можно одним махом «выдоить» клиента дважды. Причем совершенно безболезненно и, в сущности, безнаказанно.

Взять, допустим, парикмахера или маникюрщицу... Хотя из какого-нибудь дешевого «салона», затерянного в бетонных дворовых джунглях, хоть из респектабельного заведения. Всем им при наличии сифилиса работать по специальности нельзя. И поварам нельзя, и продавцам, и воспитателям детских садов... Перечень велик, он включает в себя все категории сотрудников предприятий и организаций, деятельность которых непосредственно связана с производством, хранением и реализацией продуктов питания и воды, а также всех работников коммунальных служб и всех организаций, занимающихся бытовым обслуживанием населения.

Всего и дел – сляпать поддельный анализ на реакцию Вассермана и показать его кандидату в клиенты. Как поступит в такой ситуации разумный человек? Разумный человек попытается договориться с доктором сразу по двум пунктам. Во-первых, чтобы работу не потерять (пусть даже и временно), медицинскую книжку оформить все равно надо. Несмотря ни на что. Во-вторых, надо вылечиться. Где? Конечно же у того же самого доктора, чтобы не посвящать в тайну еще кого-то и тем более не «встать» на диспансерный учет со страшным диагнозом «сифилис».

Ну а что может быть приятнее лечения несуществующего заболевания? Все так легко и просто, да еще и стопроцентный успех гарантирован.

«За книжку буду брать три тысячи. – Еще не успев вылезти из благоуханной воды с целебными морскими солями и ароматными эссенциями, Сорочинец занялся калькуляцией. – За «лечение» – десять, не меньше. Получается тринадцать, из которых три тысячи уйдет Галке... Чистого дохода – десятка с носа. Стоящее дело. Если в месяц иметь хотя бы дюжину человек, то уже, черт побери, можно жить. А ведь еще заодно и «контактных» так же пролечивать можно... Клондайк! Эльдorado! Копи царя Соломона!»

«Галкой» доктор за глаза звал свою медсестру Галину. В глаза же он звал ее Галочкой, а иногда, в минуты быстрых кабинетных сближений, до которых Сорочинец был великий охотник, Галюшей и Пусечкой. Она же на людях звала доктора Юрием Петровичем, а наедине просто Юрой. Работать с Галиной было

приятно во всех смыслах – и грамотная, и надежная, и симпатичная, и безотказная. Чего ж еще желать?

На подготовку ушло два дня, ровно столько времени полиграфическая фирма делала два штампа – «диспансерный», с названием, адресом и телефонами учреждения, и штамп «RW положительна».

Дело пошло так хорошо, что Юрий Петрович жалел лишь об одном – как это такая хорошая мысль не пришла ему в голову раньше. Это ж сколько упущено возможностей, сколько денег недополучено!

Какая там дюжина в месяц! Дюжина проходила в неделю. Каждый день через руки Сорочинца проходили один-два-три «донора», как цинично окрестил эту категорию клиентов сам доктор. Выбирались «доноры» с умом, так, чтобы свести возможность «спалиться» к нулю. Никаких сотрудников медицинских учреждений, хоть государственных, хоть частных, и никого старше пятидесяти, ведь чем человек моложе, тем больше у него сексуальных контактов и, следовательно, меньше подозрений вызывает венерический диагноз.

Больше половины «доноров» приводили к доктору своих партнеров. Разумеется, те тоже оказывались «больными». Лечить так лечить! Неожиданно в деле обнаружилась и третья польза. Быстро и качественно (еще бы!) «вылеченные» клиенты начали рекомендовать Сорочинца в своем кругу, что внесло весьма приятное оживление в частную практику сметливого доктора.

Хорошая работа, хороший достаток, обилие жизненных радостей – все эти факторы со временем притупляют бдительность. Начинает казаться, что и завтра, и послезавтра, и через месяц все будет точно так же, то есть хорошо, сытно и спокойно. А стоит только расслабиться...

Неожиданности подстерегают человека повсюду, на каждом шагу. Вот, например, женщина, технолог на молокозаводе, никогда не изменяла своему мужу, но тем не менее откуда-то получила сифилис. С коровьим молоком она его, что ли, получила? Или в массажном кабинете поликлиники? Смешно! Честное слово – смешно! Ясно же – муж наградил. У-у-у, негодяй!

А если муж, школьный учитель математики, тоже не изменял своей жене, то откуда там вообще взяться сифилису? Чудес на свете не бывает... Да и с

анализами как-то странно выходит – пересдали в районной поликлинике и получили на руки бланки со штампами «RW отрицательна».

Если бы брат мужа не работал бы в уголовном розыске, то, возможно, дело кончилось бы скандалом и жалобой в департамент здравоохранения на доктора-афериста. Малой кровью, так сказать. Максимальное наказание – строгий выговор с занесением в личное дело. Но муж рассказал о случившемся брату, точнее, спросил у него совета, как младший у старшего – что делать, куда жаловаться? Брат подумал минутку и ответил. Что жаловаться никуда не надо, а надо познакомиться кое с кем из его коллег, которых эта информация, несомненно, заинтересует.

И дальше все пошло по заведенному порядку – скрытая камера, незаметно выглядывающая из кармана куртки, так же хорошо скрытый микрофон, помеченные специальной краской деньги – тринадцать тысяч рублей пятисотками. Три тысячи за медицинскую книжку жены плюс десять тысяч аванса за «лечение» обоих супругов. Хорошая, «полновесная» сумма для солидного уголовного дела. Причем – для группового, ибо сговор и получение взятки происходили в присутствии медицинской сестры Дороховой Галины Александровны, которая не только не воспрепятствовала совершающемуся преступлению, но и принялась выгораживать своего доктора, утверждая, что никаких денег он не брал, подбросили ему деньги. Чего только не сделаешь для человека, который много лет подряд обещает на тебе жениться... Вот-вот, только дочерей замуж выдаст – и сразу женится.

Чрезвычайное происшествие, по мнению главного врача, однозначно заслуживало внеочередного собрания коллектива. Коллектив считал иначе, особенно те, кто отработал в первую смену. У них собрание, начавшееся в два часа дня, съедало не рабочее время, как у второй смены, а личное. Да еще в пятницу, когда так и тянет поскорее забыть про работу.

Первая смена была представлена на собрании полностью, вторая – за исключением немногих, оставшихся «закрывать амбразуру» на приеме. Собрание собранием, а работа работой. Закрывать диспансер на время собрания никто не разрешит.

Сказать, что доктор Данилов явился на собрание не в лучшем расположении духа, – это еще ничего не сказать. Расположение духа было самое что ни на есть отвратительное. Сразу по нескольким причинам: довольно длительный приступ

головной боли (что-то часто начала болеть голова после устройства на работу в диспансер!), срыв запланированной на четыре часа встречи со старым другом Полянским, нежелание слушать пафосные речи, перемежаемые поучениями, сознание совершенно пустой и никчемной траты времени.

Для того чтобы не помереть от тоски, Данилов прихватил на собрание из кабинета «профильный» журнал «Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры». Не самое увлекательное чтение, но все же возможность отвлечься, да и не столь вызывающе выглядит чтение во время собрания медицинского журнала, как, например, детектива.

Полностью отвлечься не удалось. Читая статью, посвященную оценке эффективности средневолнового ультрафиолетового облучения больных псориазом, Данилов невольно, краем уха, слушал главного врача. Сказывалась выработанная еще в студенчестве привычка одновременно читать и слушать или слушать и писать что-то другое, не связанное с тем, что слышишь.

Смысл длинного выступления главного врача можно было свести к одной-единственной фразе: «Взятки брать нехорошо и опасно». Но какой уважающий себя руководитель откажется лишней раз подробно и пространно объяснить подчиненным, как им следует себя вести? Наверное, нет на свете таких руководителей. И как в такой речи можно не упомянуть собственные подвиги?

– Вот все вы вечно жалуетесь на то, что администрация, как вы выражаетесь, «повсюду сует свой нос». И не надо мне вот этих невинно-удивленных глаз, я знаю все, такая уж у меня должность! А как можно администрации не следить за тем, что происходит в диспансере? Вот стоило чуть ослабить внимание, как пожалуйста – открыли уголовное дело на Сорочинца...

Провинившийся доктор на собрании не присутствовал. Отпущенный под подписку о невыезде, он открыл в поликлинике по месту жительства больничный лист и засел дома, выходя из него только для явки к следователю. То же самое сделала и медсестра Дорохова.

– Может быть, кому-то наше рвение кажется чрезмерным, но на самом деле это не так! А потом – я же вас всех прекрасно знаю! – Марианна Филипповна погрозила подчиненным пальцем. – За вами глаз да глаз нужен. Вы же все только и думаете о том, как бы легких денег срубить! И совершенно не думаете

о вашей собственной же безопасности, как и о репутации нашего диспансера! Даже слушать меня не хотите! Кто-то не приходит на собрания, а кто-то перепутал наш конференц-зал с библиотекой!

Данилов оторвался от чтения и встретился взглядами с главным врачом.

«Проклятая привычка читать во время собраний, – обреченно подумал он, предвкушая публичную выволочку. – Нет, давно надо было научиться спать с открытыми глазами. Вон, доктор Бондарь на «Скорой», говорят, вызова умудрялся обслуживать, так и не просыпаясь...»

– Владимир Александрович, вам неинтересно то, что я говорю? – «взяла разгон» главный врач.

Врать не хотелось, поэтому Данилов предпочел промолчать.

– Почему вы позволяете себе читать, когда говорит главный врач?

– Извините, – выдавил из себя Данилов, надеясь, что главный врач удовлетворится и оставит его в покое, но не тут-то было.

– Вы, наверное, считаете себя самым умным? – В голосе Марианны Филипповны зазвучало откровенное ехидство. – Настолько умным, что можно и тем, что говорит главный врач, пренебречь, все равно она ничего умного не скажет? Что вы молчите? Ответить нечего?

Внутри Данилова словно распрямилась некая, очень долго сжимаемая пружина. Он встал и ответил, раз уж попросили. Вернее, вежливо поинтересовался:

– Скажите, пожалуйста, Марианна Филипповна, известно ли вам, на каком автомобиле приезжал на работу доктор Сорочинец?

– Насколько мне известно, у него был большой черный «Лексус», – не задумываясь, ответила главный врач. – Но какое это имеет отношение к вам?

– Да, если точнее, то он ездил на трехсотпятидесятом «Лексусе», – продолжил Данилов, пропуская последний вопрос главного врача мимо ушей. – Я его

машины не видел, но мне о ней рассказали. Причем сразу несколько человек, а не один. В том ключе, что доигрался, мол, Сорочинец, теперь придется ему свой «Лексус» продавать, чтобы откупиться.

– Если вам нечего сказать по существу, то садитесь и разрешите мне...

– Это как раз по существу, Марианна Филипповна, – заверил Данилов. – Вы столько говорите о том, как администрация следит за порядком в диспансере, за тем, чтобы никто из сотрудников не нарушал бы закон, ваши «санитарные» обходы похожи на обыски, но при всем том вы не замечаете того, что один из врачей разъезжает на машине, для покупки которой ему десять лет надо копить зарплату! Всю, до копейки. Ни есть, ни пить и за квартиру не платить. Как-то странно, вы не находите? Вот теперь у меня все.

Данилов сел на свое место.

– Зато у меня не все! – Марианна Филипповна налилась багрянцем и поджала губы. – Это что за намеки вы себе позволяете, а?! Вы хотите сказать, что мы не видим дальше своего носа или еще что похуже?! К чему вы вспомнили про машину Сорочинца?!

– К слову, – не вставая, ответил Данилов.

– Откуда вы можете знать, как он купил свой «Лексус»?! Почему вы беретесь судить о людях по тому, на какой машине они ездят?!

Пришлось снова встать и внести ясность:

– Я не берусь судить о людях по марке их автомобиля, я просто удивляюсь тому, как вы, тратя столько сил на поддержание порядка в ва... нашем диспансере, не замечаете кое-каких очевидных фактов, сильно бросающихся в глаза. Вот это я хотел сказать, Марианна Филипповна. Я никого не призываю к контролю чужих расходов и доходов, но, согласитесь, очень странно вяжутся между собой заявления о том, что вы все знаете, очень тщательный контроль санэпидрежима, который я испытал, можно сказать, на своей шкуре, и игнорирование столь интересных обстоятельств, как «Лексус» у рядового врача кожвендиспансера.

– Может, он взял его в кредит? – предположила главный врач. – А вы...

– Вы снова меня не поняли, Марианна Филипповна, – перебил Данилов. – Я не о том, на какие деньги наш коллега купил свой «Лексус». Я о том, что сказав «а», надо говорить и «б» или не говорить вообще ничего.

Дискуссия проходила при полном, абсолютном молчании остальных сотрудников диспансера. Даже представители администрации воздержались от негодующих замечаний. Все сидели и слушали, никак не выказывая своего отношения к происходящему, переводя глаза с главного врача на Данилова и обратно.

– Теперь-то мне все ясно, Владимир Александрович! – многозначительно протянула главный врач. – Все! Вопросов больше не имею.

Данилов снова сел. Он прекрасно понял, что хотела сказать главный врач. Не то, что она поняла сказанное насчет «Лексуса», а то, что ей стало ясно, почему Данилов сменил столько мест работы.

«Поздравляю, Вольдемар, – сказал он себе, уже жалея, что не смог сдержаться. – Высказался, отвел душу. Так и до окончания испытательного срока не дадут доработать».

Журнал Данилов больше не открывал. Не потому, что собрание стало интереснее, а потому, что главный врач то и дело посматривала в его сторону. Закончилось довольно быстро. «Так можно и прямо сегодня без работы остаться. Уволит с выговором за нарушение дисциплины как не выдержавшего испытательного срока. Статья восемьдесят первая трудового кодекса, часть шестая. Расторжение трудового договора по инициативе работодателя вследствие однократного грубого нарушения работником своих трудовых обязанностей. Елена так часто поминает в рассказе о рабочих делах эту статью, что хочешь не хочешь, а запомнишь. С такой записью в трудовой книжке искать новую работу будет весьма проблематично – восемь из десяти дверей будут автоматически передо мной закрываться.

Интересно, можно ли считать чтение на собрании нарушением трудовой дисциплины? – подумал Данилов. – А какая, впрочем, разница? Захотят – так во время следующего «санитарного обыска» шприц в мусорку подкинут. Это уже будет настоящее грубое нарушение. Надо ж было так влипнуть... Ладно, снявши

голову, по волосам не плачут. Буду работать. Еще, чего доброго, и главного врача с заведующей пересажу. Вот, правда, не факт, что на «Лексус» заработать удастся, ну так хрен с ним, с «Лексусом». Не жил хорошо, так нечего и начинать».

Собрание закончилось довольно быстро. Еще где-то пять минут выступала главный врач, затем каялась и охала заведующая отделением медицинских осмотров, потом выступила главная медсестра, которая неизменно высказывалась по любым вопросам, затем недолго, мимоходом, пропесочили за небрежное ведение документации дерматолога Низаметдинова и разошлись.

Несмотря на столпотворение в проходах (всем хотелось уйти побыстрее – кто торопился домой, кто на прием), вокруг Данилова образовалось небольшое, можно сказать – совсем крошечное, свободное пространство. «Главный симптом опалы», – усмехнулся про себя Данилов.

Кажется, нигде еще он не умудрялся столь быстро испортить отношения с администрацией. Всего каких-то две недели. Рекорд! Только медалей за этот рекорд не полагается.

На выходе из зала Данилова перехватила непосредственная начальница – заведующая физиотерапией. Перехватила в прямом смысле этого слова – цепко схватила за рукав халата и, не говоря ни слова, потянула в сторону. У Данилова мелькнула глупая мысль, что его хотят поставить в угол за плохое поведение, но до угла Ангелина Александровна не дошла – остановилась где-то на полпути, обернулась к Данилову и зашипела прямо ему в лицо:

– Вы что, с ума сошли? Разговаривать с главным врачом в подобном тоне, да еще на людях! Идите и извинитесь, прямо сейчас!

Пользуясь тем, что его больше не держали, Данилов отступил на шаг назад, чтобы не чувствовать неприятного запаха изо рта заведующей.

– Мне не за что извиняться, – сухо, едва ли не грубо, сказал он. – Я высказал свое мнение в корректной форме, причем только после того, как главный врач настойчиво добивалась от меня ответа.

– Вы что, не понимаете? – ужаснулась Ангелина Александровна. – Вам же теперь не дадут спокойно работать! И мне, за компанию, тоже!

– Сожалею, – развел руками Данилов, – но ничем помочь не могу. Не в моей власти. Если вы не возражаете, то я пойду, хорошо? Моя смена уже закончилась.

– Идите! Если вы считаете, что вы правы, то идите!

«А тебя, оказывается, можно вывести из себя, – подумал Данилов, заметив, как раздуваются крылья носа Ангелины Александровны и наливается красным ее лицо. – Нужен только подходящий повод».

– До понедельника! – вежливо сказал он.

– До понедельника! – В голосе заведующей звучала угроза, смешанная с раздражением.

Судя по всему, последний понедельник уходящего года обещал стать для Данилова непростым днем. Из тех дней, которые запоминаются надолго, порой – на всю жизнь.

У входа в метро парень и девушка в красных «сантаклаусовских» колпаках раздавали прохожим рекламные листовки. Но не просто раздавали, как это делает подавляющее большинство, а старались чем-то рассмешить – шуткой, гримасой, жестом. Иногда им это удавалось, и тогда они начинали смеяться сами – словно переливались, вторя друг другу, два звонких колокольчика. Смеялись они столь заразительно, что вокруг них сразу собиралась маленькая толпа из вечно спешащих москвичей и втянувшихся в столичный ритм приезжих. Данилову показалось, что народ останавливается не из любопытства и тем более не ради получения рекламной листовки, а просто из желания полюбоваться на счастье, пусть даже на чужое, мимолетное.

Настроение у Данилова немного улучшилось. Стоя на эскалаторе, он думал о хорошем – о новогоднем празднике, до которого осталось совсем немного, о подарках и о том, что хорошего в жизни куда больше, чем плохого.

Глава шестая

Бытовой сифилис – это не до конца собранный анамнез

Понедельник прошел спокойно, без придирок и нервозов. Никому из начальства, кроме заведующей, не было до Данилова ровным счетом никакого дела, да и Ангелина Александровна сильно не досаждала. Сказала пару слов по текущим делам – и все. Ни нравоучений, ни советов образумиться.

– Как вы, однако, главному врачу ответили! – По тону Аллы Вячеславовны нельзя было понять, одобряет она пятничное выступление Данилова на собрании или нет. – Недаром говорят – в тихом омуте черти водятся...

– Где только эти черти не водятся, – сказал Данилов, просматривая лежавшие на его столе процедурные карты. – Только здесь более уместна другая поговорка: «Не буди лихо, пока оно тихо». Сидит себе человек, помалкивает, и нечего к нему придираться.

Во вторник Данилов встретился с главным врачом в коридоре. Поздоровался и пошел дальше. Главный врач ответила на приветствие, но задерживать не стала. И к себе не вызвала.

В среду на собрании сотрудников в адрес Данилова не было сказано ни слова, хотя сам он не исключал возможность придирок. Вроде как и не к чему придраться, но начальство всегда найдет повод, было бы желание. Тем более в физиотерапии, где в любой момент можно прицепиться к любому аппарату, к любой проводимой процедуре. Несоблюдение техники безопасности – благодатная почва для взысканий, как реальных, так и надуманных.

Объяснений такому поведению администрации могло быть три.

Первое и самое вероятное – готовят крупную пакость, не хотят размениваться по мелочам. Стрелять – так наповал. Подставлять – так капитально, чтобы ни один суд не смог оспорить увольнение.

Второе – в конце года, когда дел по горло, нет времени связываться. Отложили месть на следующий год.

Третье, наименее вероятное (но чего только в жизни не бывает?) – главный врач остыла, осознала, что сама была неправа, и решила к этому вопросу больше не возвращаться. Случается и такое.

Гадать в отношении мотивов и намерений администрации Данилов не собирался – и без того головной боли хватает, как в прямом, так и в переносном смыслах. Невозможно объять необъятное и постигнуть непостижимое, к тому же, запутавшись в догадках, непременно совершишь какую-нибудь ошибку. Нет, лучше обойтись без догадок. Работать, как работал, добросовестно выполнять свои обязанности, стараться не давать поводов для придирок и верить в то, что все будет хорошо.

Как бы ни изощрял свой ум Данилов, он никогда бы не догадался о том, что именно побудило главного врача оставить его в покое...

После собрания Марианна Филипповна долго не могла успокоиться. Пока пила у себя в кабинете чай с приближенными – заместителем по медицинской части, заместителем по клинико-экспертной работе и главной медсестрой, то и дело восклицала:

– Ну и тип! Надо же!

– Да не расстраивайтесь вы так, Марианна Филипповна, – успокаивали приближенные, – не стоит этот хам ваших нервов.

По окончании чаепития Марианна Филипповна велела остаться заместителю по клинико-экспертной работе Аверьяновой.

– Давай, Татьяна Никитична, подумаем, как поаккуратнее вырвать эту занозу, – сказала она.

– Я бы сначала на его личное дело хотела взглянуть, – ответила Татьяна Никитична.

Репутацию великого мастера всяческих каверз и интриг Татьяна Никитична заслужила прежде всего тем, что тщательно продумывала каждый свой шаг.

Марианна Филипповна попросила Майю Борисовну принести личный кадровый листок Данилова, его трудовую книжку и ксерокопии его диплома и паспорта.

Пока Аверьянова изучала принесенное, Марианна Филипповна правила в настольном органайзере перечень запланированного и назначенного на следующую неделю. Попутно прикидывала в уме, во что обойдутся ей новогодние поздравления в управлении и департаменте. Не от каждого же можно отделаться шампанским и конфетами. Кому-то парфюм надо приложить, а кому-то и конвертик.

– Елочки вы мои палочки... – нарушила молчание заместитель по клинико-экспертной работе, просматривая кадровый листок.

– Что такое, Татьяна Никитична?

– Меня терзают смутные сомнения... – Татьяна Никитична потрянула своими мелкими кудряшками и потерла лоб рукой, точно подгоняя мыслительный процесс. – Марианна Филипповна, пустите меня, пожалуйста, за ваш компьютер на минутку.

– Что вы там нашли? – заволновалась главный врач, вылезая из-за стола.

– Сейчас уточню и скажу.

Татьяна Никитична села на место главного врача, поерзала, словно примериваясь к нему, отчего Марианну Филипповну слегка передернуло, и застучала тонкими пальчиками по клавиатуре.

В свои сорок пять с хвостиком Татьяна Никитична продолжала пребывать в ампула юной девы. Изящная тоненькая фигурка, тонкие черты лица, тонкие пальцы, романтические кудряшки, большие «хрустальные» глаза. Только вот выражение у ее глаз было не девичье – они смотрели на мир холодно, недружелюбно и оценивающе.

– Как я и думала! – Татьяна Никитична откинулась на спинку кресла и ткнула указательным пальцем левой руки (она была левшой) в экран монитора. – Смотрите сюда, Марианна Филипповна.

- Заместитель главного врача станции скорой и неотложной помощи города Москвы Новицкая Елена Сергеевна, - вслух прочитала главный врач.

- А теперь сюда...

В пункте шестнадцатом личного листка, посвященном семейному положению, значилось: «Новицкая Елена Сергеевна - жена».

- Он вам ничего не говорил о том, кем работает его жена? - недоверчиво прищурилась.

- Говорил, что на «Скорой», но в подробности не вдавался.

Так оно и было, Данилов никогда не «kozyрял» должностью Елены. «Она врач, работает на «Скорой», - стандартно отвечал он на вопросы о жене, не вдаваясь, как и было сказано, в подробности.

- Будет мне наука теперь, недаром же говорят, что анамнез надо собирать тщательно!

- «Бытовой сифилис - это не до конца собранный анамнез», - Татьяна Никитична попыталась разрядить обстановку заезженной шуткой.

Заместитель уступила главному врачу ее «трон», а сама вернулась на прежнее место - за стол для совещаний, примыкающий к столу Марианны Филипповны.

- Ты ее знаешь? - В минуты волнения Марианна Филипповна частенько переходила с приближенными на «ты».

- Видела один раз, в департаменте, когда на разбор ездила. Помните тот случай с недиагностированным склерадениитом?[6 - «Склерадениит», он же «лимфадениит» - воспаление лимфатических узлов.]

- Помню, помню. Такое разве забудешь?

Случай на самом деле был незабываемым, из ряда вон выходящим, просто анекдотическим. И очень грустным, если смотреть с точки зрения пациента.

Все началось с того, что один тридцатилетний мужчина обнаружил у себя в паховой области плотную опухоль, безболезненную, но все равно пугающую. Участковый врач направил его к хирургу, хирург – к онкологу, онколог застрашал до полусмерти и назначил биопсию[7 - «Биопсия» – метод диагностического исследования клеток или тканей посредством прижизненного забора исследуемого материала из организма.]. Возвращаясь от онколога, мужчина по дороге полечил нервы спиртным, упал, ударился головой о бетонную клумбу и в результате по «скорой» был доставлен в нейрохирургическое отделение ближайшей больницы. На опухоль в паху ни «скорая помощь», ни приемное отделение внимания не обратили. Не обращали на нее внимания и в отделении, пока не пришел положительный ответ на реакцию Вассермана. Тогда-то был приглашен на консультацию дерматовенеролог, и наконец-то несчастный страдалец встретился с тем специалистом, с которым он со своим сифилисом и должен был встретиться.

На беду всех докторов, ранее занимавшихся этим больным, консультант-дерматовенеролог оказалась вредной старухой старой закалки. Вместо того чтобы сделать из этого случая великолепный анекдот, она сделала из него докладную на имя директора департамента здравоохранения. Смотрите, мол, дорогой и любимый начальник, как работают ваши доктора, совершенно позабывшие клинику сифилиса. Смотрите и радуйтесь! А заодно и готовьтесь к эпидемии сифилиса. Если так работать, то долго ее ждать не придется!

Радость была великой, всеобъемлющей и всеохватной. На разбор этого случая пригласили всех сопричастных и вдобавок представителей администраций всех кожновенерологических диспансеров Москвы. Представители должны были проникнуться важностью проблемы, усилить просветительскую работу среди врачей других специальностей и наладить более тесное взаимодействие с ними. Проще говоря – составить и представить в департамент красивый план действий, а затем ежегодно представлять по этому плану не менее красивые отчеты. От станции «Скорой помощи», кроме врача, госпитализировавшего «фигуранта», на разборе также присутствовала Елена Новицкая. В качестве заместителя главного врача станции и директора «провинившегося» регионального объединения.

– Да, положеньице то еще... – Главный врач подперла подбородок кулаком и задумалась.

Заместитель главного врача станции «Скорой помощи» – это вам не заведующий заводским здравпунктом. Это человек, вхожий в сферы и знающий расклады. А также обладающий нужными знакомствами. Шепнет слово где надо – и будут неприятности. Одно дело, когда сотрудник, считающий себя несправедливо уволенным, пытается добиться справедливости «снизу» и, совсем другое дело, если у этого сотрудника есть зацепка «наверху». Тогда можно неожиданно такой подзатыльник получить, что слетишь со своего места кубарем. В один момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Красная шапочка – прозвище сотрудниц метрополитена, носящих красные головные уборы.

2

«Эрвэ» – анализ крови на реакцию Вассермана (RW), один из основных методов диагностики сифилиса.

3

«Ultima ratio» (лат.) – «последний довод».

4

Цитата из песни Михаила Звездинского «Поручик Голицын».

5

ПУВА-терапия, от англ. PUVA – Psoralen & UltraViolet – представляет собой лечебное воздействие на кожу ультрафиолетового излучения в сочетании с фотосенсибилизатором псораленом, веществом растительного происхождения, повышающим чувствительность кожи к воздействию ультрафиолетовых лучей.

6

«Склераденит», он же «лимфаденит» – воспаление лимфатических узлов.

7

«Биопсия» – метод диагностического исследования клеток или тканей посредством прижизненного забора исследуемого материала из организма.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/andrey-shlyahov/doktor-danilov-v-kozhno-venerologicheskom-dispansere>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)